

Книжная серия «Радуга созвучий»

Дмитрий Цесельчук

Тарусский сбитень

Сборник стихов, поэм,
очерков и воспоминаний,
1968 – 2020 гг.

30 лет
СОЮЗУ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ

Москва, 2020

Дмитрий Цесельчук. Тарусский сбитень. Сборник стихов, поэм, очерков и воспоминаний, 1968–2020 гг. Составитель **Нина Давыдова.** Книжная серия «Радуга созвучий». — М: «Библиотека газеты «МОЛ», 2020. — 120 с., илл.

ISBN

Дмитрий Юрьевич Цесельчук — поэт, поэт-переводчик. Москвич, родился в одном из арбатских переулков, на Сивцевом Вражке. Окончил физфак МГУ по специальности кристаллография, но тема курсовой работы на 5 курсе была не о физике, а о симметрии в поэзии. В 1968 г. в газете «Московский университет» появилась первая поэтическая подборка. В эти же годы постотделом стал участником ЛИТО «Кленовый лист» (МГУ) и «Спектр». Потом стал старостой I-го семинара Э.Г. Ананиашвили, окончил Литстудию МО СП СССР. Руководил юношеской литстудией «Бригантина». Один из создателей Союза литераторов России в декабре 1990 года. Лауреат литпремий «Словесность» и Премии **Юрия Мамлеева.**

Автор 19 поэтических книг: 9 книг переводов (с латышского Петериса Зирнитиса «Сентябрьская лирика» и «Сон в тысячу колоколов»; Эгилы Плаудиса «Яд сирени» и «Выковать птицу»; Мары Залите «На стороне солнца»; Яниса Балтвилкса «Где почует дрема»; с литовского Стасиса Йонаускаса «Вечные травы»; с грузинского Вахтанга Джавахадзе «Журавлиный клин»; с азербайджанского Ахмеда Гашимоглы «Влюбленный ветер» (1981-88 гг.) и 10 книг собственных стихов, поэм и венков сонетов: «Исход»; «Август-96»; «Это мой дом»; «Купавна — чистая тетрадь...»; «Непрерывный фотомонтаж» книга стихов и видеокнига; «Очевидец»; «В рай как прежде открыта калитка...»; «Чурь»; «Монография стиха» и видеокнига с тем же названием; «Срок лет по дороге в Крым»; «На просвет», (1995 — 2019 гг.).

Новая, **20-я** по счёту, книга, выходящая в свет в **2020** году тесно связана с Тарусой, своеобразным культурным перекрестком России, куда приезжали жить, работать, отдыхать, скрываться от властей многие известные талантливые и неизвестные, но талантливые литераторы, музыканты, художники, «обереги» нашей культуры. Марина Цветаева, Иосиф Бродский, Леонид Губанов, семья Штейнбергов, Святослав Рихтер, Борисов-Мусатов, Николай Заболоцкий, Константин Паустовский, Белла Ахмадулина и... Список может быть почти бесконечен. В этом невероятном по красоте городе на берегу Оки появились знаменитые «Тарусские страницы». Нить художественного и созидательного уклада здесь никогда не прерывалась, это крепкий сбитень нашей российской культуры. Эту книгу я, вопреки всем коронавирусам, посвящаю Жизни.

Дмитрий Цесельчук, почетный председатель Союза литераторов России (СЛ РФ), председатель Московской организации литераторов СЛ РФ, главный редактор альманаха «Словесность».

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГАЗЕТЕ «МОЛ» (РЕГ. А-0470 ОТ 27.05.1994)

© Газета «МОЛ», 2020

© Дмитрий Юрьевич Цесельчук, стихи, поэмы, очерки, воспоминания 2020

© Нина Васильевна Давыдова, составление, 2020

© Василиса Савина, заставки, 2020

© Типография «ИП СКОРОХОДОВ В.А.», 2020

КИПЯТОК

Никому не отдам это золото позднего лета,
Даже не поделюсь, упаду с головою в траву,
Вот кузнечик запел
и братушки откликнулись где-то
В танце бабочек...
как их пролет над собой назову?

Кружат голову мне
мысли разные о несуразном,
Неужели и я поползу по травинкам жуком?
В этом хаосе трав пожелтелых
подумать о важном —
Я раскинулся в рост
бородатым седым мужиком.

Мне хотелось всегда,
комариные слыша свирели,
Навзничь рухнуть в траву,
как широкий последний прокос,
Распрощаться с делами,
чтоб рядом качались и пели
Вертолётные крылья
голубых большеглазых стрекоз.

Что уж о мошкаре говорить:
хороши бесенята,
Облепили всего, в ноздри лезут,
кишат в бороде,
А поширишь рукой и меж пальцев
застрянут опята,
Их крупней и душистей
уже не отыщешь нигде.

Бабочек догонять и не пробуй —
исчезнут в левадах,
Сев к Медведице в ковш,
поглядит на тебя стрекоза,
И ромашка к тебе наклонится,
беспутному рада,
Стебель гибкий согнёт,
не мигая посмотрит в глаза:

С церковками с куполами
С пристанями по Оке.
Кто последний? — Я за Вами
Прокатиться по реке!

С внуками залезли в катер.
Носом разрезая гладь,
Мы навстречу ветру катим,
Строчками соря в тетрадь.

Против быстрого течения,
Чуть не врезавшись в баржу.
Из восторга восхищенья
Ни на миг не выхожу.

Ты прекрасна: ясно вижу
С пристанями берега,
Мэтр Октябрь с палитрой рыжей
А в полях: стога, стога...

Осень подступает к горлу,
Не обходит стороной.
Заявляю зло и гордо:
Я — последний! Кто за мной?

Если кто-нибудь из внуков, —
Уж тогда без дураков
Пусть вгрызается в Науку
Неслучайных Пустяков,

И займет по праву место
Капитана у руля,
Тот, кому Земля — невеста —
Не партнер наживы для.

Стань же Болдинскою, Осень,
А не бабушкой в платке.
В ноябре все листья сбросишь
И — в декабрь налегке.

Медленно сойдём по трапу
И в Поленово — айда!
Сменщик мой, не будь растяпой:
Жизнь поэта не байда —

А крутой тарусский сбитень,
По усам текущий мёд.
Жизни каждый миг ловите,
А не то она пройдёт.

ВРАСПЛОХ

*Над миром тягот и невзгод
вот-вот лицо моё взойдёт
И слово тёплое от губ
студёную встревожит глубь*

*Пятрас Палилёнис,
перевод с литовского автора книги
Д. Цесельчука (далее — Д.Ц.)*

Мучительно хотелось зыркнуть
студёную встревожить глубь
Так круг очерчивает циркуль
и кругом замыкает Путь

Паломник так упрёт в дорогу
свои горящие глаза
ему добраться нужно к Богу
а он не знает ни аза

Но миссией своей приручен
к почти звериному чутью
со всеми равный а не лучший
лишь участь принявший свою

Как раб прикованный к галере
за взмахом взмах пройдёт весь путь
к последней жизненной потере
и ухмыльнётся лишь чуть-чуть

когда враспloch его застигнет
из-за угла тишком сrazia
Он на неё уже не зыркнет
Жаль что ответить ей нельзя.

КУВЫРОК БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЫ

*(Верноподданнический стих
с элементами архаики)*

**Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.**

*М. В. Ломоносов «Вечернее
размышление о божием
величестве при случае
великого северного сияния ...»*

Через голову «Медведица»
Совершит свой кувырок.
И все прочие созвездия
Перекувыркнутся в срок.

Рукоятью «Ковшик» борозду
Нам прочертит по Земле:
— Черти, чтоб лохматя бороду,
Жили с думой на челе!

Ты откуда, бездна чёрная, —
Звёзд в тебе невпроворот,
Застрашала чем ученого,
Что корпел за весь народ,

Норовя придумать формулу
По которой жил бы люд,
Чтобы все учились смолоду
С верой вкладываясь в труд,

Помнил чтоб из нас любой:
Звёзд над нами бездна,
А под звездами любовь
Правит безвозмездно.

Так уж тут заведено —
Во Вселенной этой:
Кем ни будь — а всё одно
Спросится с поэта.

Совершит «Медведица»
Кувырок под утро.
В полдень с неба свесится
Солнце златокудро.

И хотя откуда мы
До сих пор неясно,
Любим наш подзвездный мир
В коем всё прекрасно.

СОНЕТ ПРОЩЕНОГО ВОСКРЕСЕНЬЯ

Месяца острый серп
светит не среди верб —
в спутанных кронах берёз
в небо намертво врос

Чёрная кошка на лёд
выпрыгнув к дому идёт
в узкий ныряет лаз
оборотятся на нас

Хвост выгибает серпом
лучший хозяйке старпом*

Месяц под спудом туч
Землю сдаёт под ключ
лайнерам и поездам
под перестук: «Мне отмщение,
и аз воздам»**

ЗАПЛЫВ

В последний день июля
вовсю рябит Ока
Пёс мчится словно пуля
Уху из котелка

хлебают рыболовы
Рыб плещутся хвосты
Со всем что сердцу ново
Готов идти на Ты

* Сокращенное от старший помощник.

** Перевести этот текст из Библии можно так: «На мне лежит отмщение, и оно придет от меня» (т.е., отмщение — не для человеческого суда).

Не раз я эту реку
один переплывал
Течет вроде не к спеху
А влезешь наповал

теченье сносит с курса
как щепку теребя
Пловец если искусный
то пощадит тебя

И вот на тульский берег
иду из камышей
он незнакомцу верит
не выгонит взащей

На бабочку большую
Из тучи дождь полил
Чуть-чуть передохнул и
не наискось поплыл

а отступя по берегу
шагов сто пятьдесят
плывешь и любо-дорого
течение тебя

как друга подгоняет
уже не сносит вбок
Для тех кто понимает
что подарил нам Бог

пишу свою балладу
с балкона у реки
Мне большего не надо
чем домик у Оки

разглаживанье ряби
июльским утюгом
Не знаю чего ради
Пишу я о другом

хотя прекрасно вижу
двух племенных коров
А в тот заплыв я выжил
и до сих пор здоров

ПРО БЕСА-БАЛАМУТА

Пять минут к реке до пляжа
но через дремучий лес
Раки водятся в ней даже
Баламутный мелкий бес

До того он баламутный
что зовется Баламут
проплывешь в водице мутной
и тебя закрутит в жгут

в ряске и речной осоке
если в ноздри заползёт
Бес не очень-то жестокий
но не любит окорот

Раз ты влез в лесные дебри
сухостой и бурелом
жди появятся тут звери
бегемоты или слон

назовешь чащобу джунгли
сможет жить в них Маугли
Тут глаза волков как угли
разгораясь ночью жгли б

дыры в необъятном мраке
и почуяв этот взгляд
лаяли б навзрыд собаки
но о чем же это я?

Да о бесе-баламуте
как он донимает нас
каждому двойник по сути
эдакий калиф на час

Недотыкомка к нам в ухо
Если только заползёт
Или в ноздри влезет тихо
Или кожу прогрызёт

Будем жить в едином теле
Но не так как с братом брат
бес нам злейший враг на деле
пагубней врага стократ

Веря сами мы с усами
что нам нечисть или бес
с их дурными голосами
с завываньем до Небес —

чтоб спустились и изгнали
и пустили нагишом
или попросту в подвале
пристегнув за ремешок

отхлестали б плёткой беса
чтоб чечётку заплясал
не ходил бы дальше леса
в чьё-то тело не влезал

бормоча твой мир разрушу
жизнь — наперекосяк
вся пойдет — вступишь за душу
Ангел Мой Любой косяк

можно запросто исправить
если не попутал бес
Бес вселился — значит вправе
представлять твой интерес

честь твою черня и имя
нечисть правит в теле бал
баламутствами своими
всех вокруг заколебал

Потрясут тебя как грушу
изошел чтоб мелкий бес
или отдал Богу душу?
или в свой вернулся лес?

НАЯДА

Уподобившись наяде
ты уходишь к дому
в летнем голубом наряде
будто бы к другому
Обернешься и улыбкой
озаришь полсада
в голубом наряде зыбком
что сидит как надо

Шлют поклон тебе берёзы
и сосна-двойняшка
и мусатовские розы
хороша рубашка

Чуть-едва касаясь тела
куполом нисходит
На глухих болотах дева
вот в такой же ходит
Как блуждающий фонарик
водит за собою
нет таких кого одарит
и бредут гурьбою
Засосёт кого трясины
а кто так загинет
Своенравна и красива
Кто такую кинет

Вот и ты стоишь покуда
к нам влоборота
жаждем неземного чуда
золотого лота
Проигрыш наш неизбежен:
ты уходишь к дому
в голубом прикиде нежном
будто бы к другому

ПОЭТ

Поэт и должен быть бесстыжим
не обязательно чтоб рыжим
худым наоборот — пузатым
Бесстыж в нём будет каждый атом

и каждая молекула
Звони во все колокола!

в Отечестве родился гений
и быть не может тут двух мнений
такой у нас всего один
увы бесстыжий господин

Он не стесняется раздеться
при гордых дамах догола
Он так напишет вам о детстве
как будто бы не родила

родная мать его а — кошка
Про всё напишет понарошку
мир принимая виртуально
канон похерит и нахально

себя сочтет отцом канона
но нового На нём корона
сидит как на бродяге кепка
но дело свое любит крепко

Он и не курит и не пьёт
и словом наповал прибьет
Для подражания пример
спустившийся из высших сфер

Вот надо у кого учиться
его не кошка а волчица
вскормила — Ромула и Рема
в одном лице

И вот дилемма

как Бродский — истинный близнец
Канона Нового отец —
придется ли по нраву людям?

Иль о бесстыднике забудем
как забывали и не раз
о тех кто нас от скуки спас

ТАМ БЫ

*Что на плаву — то не взлетело,
А не взлетело — значит ша!*

Фёдор Филиппов

путь земной — самообман
бескорыстен и недолог
не уместится в карман
мудрость пропыленных полок

в ряд их томики стоят
с вензелями в позолоте
там бы мог стоять и я
усмирив влеченья плоти

несговорчивая плоть
ухайдакала поэта
что ссудил ему Господь
только отрыгнула Лета

проглотила не спеша
как диковинная рыба
не сбылось — так значит ша!
все: старались и смогли бы

остаются за спиной
как Судьбы слепые вежи
что вы сделали со мной
братья — други-человеки?!

жалобы свои оставь
лучше для Другого Круга
ну а эту жизнь восславь
Здесь мы встретили друг друга!

это главное: душа
встретилась с другой — и славно

и мечтам сказавши ша
песенки поёт о главном

МУРАВЬИНАЯ ЧЕЛЯДЬ

И слёзы текут из меня Как из камня
сочатся Но камень живому не ровня

Кто сжал мое сердце извлёк из гортани
и в мох опустил у ручья на закланье

и вывел родник из надтреснутой тверди
смерть превозмогая в смердящем усердьё

к скрипичному скрипу разбитых уключин
как зверь приручен и как птица приучен

в свою рукавицу впиваться когтями
взмыть в точку и камнем расчесться с гостями

такими ж как мы и в похожей одежке
кто в шкурке кто в перьях кто

в супербложке

Удар и разрублен как саблею череп
к застолью спешит муравьиная челядь

вылизывать кость догола языками
по стёжкам-тропинкам ногами-руками

стотысячеглавой семьёй семена
набывчивши лбы мчатся мимо меня

в «сто лет одиночества» тропы торя
Я видел таких в угольках янтара

застывших скупым иероглифом смерти
Не верьте словам моим Камню поверьте

слезам родниковым подспудным ключам
что вдруг проступают из глаз по ночам

НАКАНУНЕ

(Ко дню выхода из пандемии)

***...Или в лоб шлагбаум влетит,
Непроворный инвалид...***

А.С. Пушкин

*Или в лоб шлагбаум влетит
Непроворный инвалид...*

Погружаюсь в страх и трепет
чувствуя как все болит

Неуютно в карантине
(в те года в карантинé)
Участь Пушкина нас минет
на ушко шепнули мне

Мелочами обложиться
как подушками большой
главное не облажаться
сиганувши в мир иной

Жить мы приучились в страхе
трепет измочалил всех
Главное чтоб на замахе
к нам пришел Большой Успех

Жить мы приучились хуже
чем могли бы где-нибудь
Вытащит нас кто из лужи
кулаком ударив в грудь

А с успехом будем живы
и продолжим дальше жить
остерегшись от наживы
хрупкой жизнью дорожить

чувствуя биеньем пульса
подгоняющего кровь
в несговорчивые пальцы
что ложатся вкривь и вкось

на послушные колени
Вирус дан нам за грехи
живших в прошлом поколений
А крамольные стихи

пишутся чтоб разобраться
как нам дальше быть да жить
на одной седьмой стагнации
и неодолимой лжи

в эпидемиях Гражданки
и в Отечественной дни
«лечь с гранатами под танки»
«на таран идти» могли

а теперь от пандемии
разбежались по углам
вспомним «Плач Иеремии»
фронтные сотню грамм

ну а просто так на койке
под журчанье ИВЛ
умирать скажи на кой мне
я и так — лишь спал и ел

никакой духовной жизни
словом — превращаюсь в дрянь
А скажи мне: для Отчизны
ты Луну с небес достань

я достану гадом буду
и всю лунную руду
вместо Трампа я добуду
мне не привыкать к труду

а про то что в лоб шлагбаум
мне с размаха залепил
буду отрицать как даун
как Иван-дурак — дебил

главное что накануне
был я весел и тверёз
а ямщик что вёз уж умер
и блуждает среди звёзд

ГОД ПРЯДУЩЕГО МИЗГИРЯ

(Год 2020, он же 7528)

К нам приходят две двадцатки
Друг за дружкой подряд
Бог, продлив наш отпуск краткий,
Бесконечно блеску рад

на былинках паутинки, —
нам внушает: — Человек —
не товар на Общем Рынке,
а Вселенной оберег!

Стать фантомом чьей-то воли? —
всё равно, что и не жить.
Человеку в своей роли
предстоит её избыть.

По рождению свободен —
для себя и бог и царь —
стало быть велик и волен
жизнь свою принявший в дар

Спи, младенец, сладко-сладко,
спи у бездны на краю.
Ну, а я тебе украдкой
эту песенку спою.

Далека ещё Голгофа,
на́ спину не давит крест,
лишь в тетрадь ложатся строфы
о приметах чудных мест.

В паутине смоковница,
В сети — крестик паука,
в летописях говорится:
жизнь не кончится пока...

Впрочем есть другая тема:
кара Божьего Суда —
но родились не затем мы,
чтоб исчезнуть навсегда.

Нас спаси, Мизгирь Прядущий,
загляни в свою Псалтирь,
зачитай стишок покруче,
ожиданье чуда вштырь.

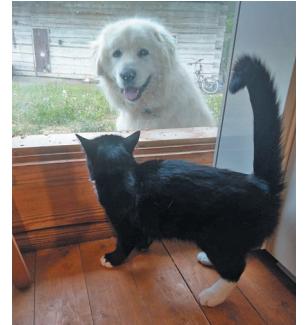
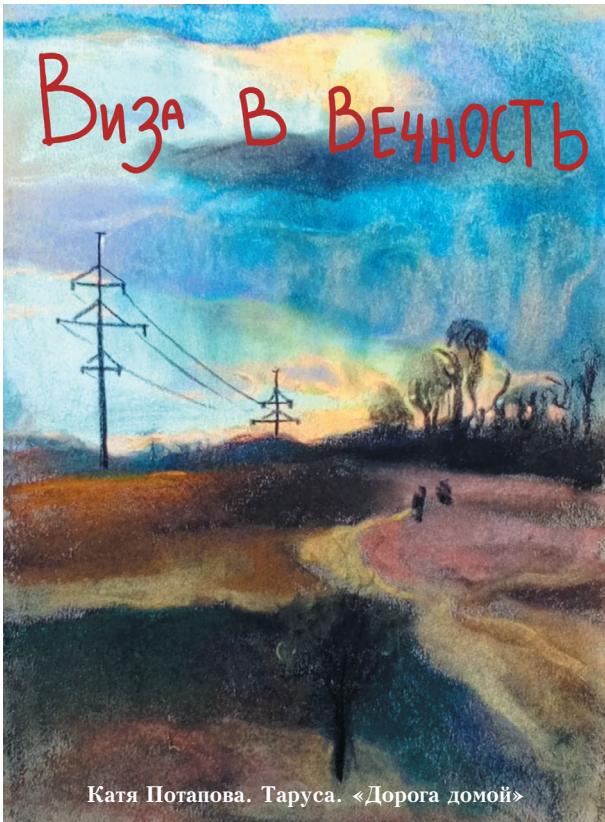
Мы за нас твою молитву
Слушаем, Отец и Сын,
Ну, и Дух Святой, на битву
кличущий из Палестин.

Кружевную паутину
ткёшь молитв, будто паук,
общий грех взвалив на спину
и не уstraшившись мук.

Жизнь прожить, как паучище:
не лояв клеветов в сеть —
только тех, кто прочих чище, —
как за них не умереть?!

Год какой позвал в дорогу? —
Бросим споры в стороне
Поклоняться можно — Богу,
подчиняться — сатане.

Вельзевулу нас к финалу
привести не даст паук:
наш Мизгирь — ученый малый —
доктор колдовских наук!

ЛЕТО 2018

Это лето неоглядно
это лето непомерно
Это лето многократно
буду проживать наверно
Я в него укрыл бы годы
полной от всего свободы
независимости полной
беспшашности и лени
Становились бы народы
перед летом на колени
на него как на икону
люди стали бы молиться
неподвластные закону
окружили б меня лица
вольница бы воцарилась
в этом необычном лете
люди б разучились злиться
как трава росли бы дети
за все годы что я прожил
позабыв про лето красно
я души не потревожу
не корю себя напрасно
Что прошло то не пропало
а запряталось в подкорку
хорошо куда попало
вниз катиться по пригорку
на большой велосипедке —
не на паровозной тяге

Да такое встретишь редко
в жизни а не на бумаге

ХВАЛА ЛЕНИ

О, Лень, тебе слагаю эту оду!
Олень в своих запутался рогах
и вырваться не может на свободу
И я от пут своих пушусь в бега,

чтоб жизнь не профуфукать как Обломов,
пример беря со Штольца — молодца.
О, скольких не случилось бы обломов,
ни разу бы не потерял лица.

когда б, преодолев твою неспешность,
все замыслы исполнились на раз,
Но чёрт — как не изменит свою внешность,
А всё будет косить с хитринкой глаз.

Короче, жизнь немыслима без лени,
Она всегда удержит на краю
твоих и, знает Бог, каких сомнений.
И я за то хвалу Ему пою.

SHORT MESSAGE SERVICE

Все ждут грозу к концу июня
Когда спадёт немного жар
и ветерок прохладный дунет
и над травой швырнёт стрижа

За ним ещё ещё всю стаю
поразбросает над травой
и низкорослыми кустами
Закрутит флюгер как живой

и сполохи на горизонте
исполосуют неба край
Все ищут спрятался где зонтик?
Кто дождевик отнес в сарай?

Ну а без них у очень многих
не будет в будущем надежд
Вот пыль прибил дождь У дороги
остановился юн и свеж

И молнией сверкнув и грому
велев шарахнуть в двух шагах
он просто режет по живому
на живность нагоняя страх

И мы причастные к их миру
боимся грома и зарниц
нам бы схватиться во все дыры
упав перед грозюю ниц

по сути мы всё та же живность
все разбежались кто куда
мы ж ливня ждём — такая странность
нам позарез нужна вода

переполняющая бочки
расставленные для коней
мы ж по грибы без проволочки
шмыгнём с корзиной из дверей

и подосиновик подрежем
и подберёзовик сорвём
и выводок лисичек свежий
в своё лукошко заберём

а если встретятся маслята
и эти соберём грибы
а если белый — тут ребята
встает рассказ мой на дыбы

закручивать их будем в банки
вываливать в сковороду
а в суп грибной добавь сметанки
затмит любую он еду

Нам что коленопреклоненно
священнодействий ливня ждём
вдруг SMS-ка: непременно
ниспослан будет град с дождём

Тут перебор — не надо града
мы просим летнего дождя
а молнией об стол не надо
и громом промеж глаз шутя

сосну столетнюю на крышу
из бора ближнего ни-ни
В затылок ураган нам дышит?
как проживём все эти дни?

ОЖИДАНИЕ

В зелень золото вплетая
шелестит поутру лес
Птиц лесных щебечет стая
к нам имея интерес

Дует ветер из низины
Взъерепенился индюк
Без грибов стоят корзины
репчатый скучает лук

Просит бор: дождя бы надо
С белыми грибами суп
летом лучшая отрада
вкус грибной забывших губ

Подосиновики ценят
следом за боровиком
Если дождик в среду хлынет
погуляем босиком

побежим вдвоем по лужам
вместе с внуком шепутным
Дождь в июне очень нужен
и здоровым и больным

лошадям и двум собакам
до зарезу нужен он
Не идёт пока однако
Может быть хотя бы в сон

он зайдёт не понарошку —
скажет: Ладно так и быть

...Доедим в обед окрошку...
Ночь пройдёт... и по грибы.

К ЛЕСНОМУ ЦАРЮ

Имеют к влаге интерес
грибы и воду ищут
А мы их как деликатес
употребляем в пищу

Стоят оврага по краям
четыре красных шапки
вмиг подосиновикам я
подрезал чудо-лапки

От счастья чуть передохнув
иду по дну оврага
там наверху воды чуть-чуть
тут — по колено влага

Меняю свой ориентир
ищу места посуше
вошел я в лес как входят в тир
грибы по ваши души

Десятка белых сыроег —
на дне корзины рассыпь
Из колчана как печенег
стрелу тяну наощупь

Еще бы парочку маслят
пронзить стрелою взгляда
но в это время года вряд-
ли брать их в кузов надо

Один возьмешь из десяти
сгибаясь у обочин
Лисичек лучше бы найти
но мало озабочен

Лесной моей судьбою Царь
ему дороже черви
Почто злокознишь государь? —
тебя поджарят черти

а может вскипятят в котле
и насадив на вилы
съедят как самый лучший гриб
из всех что в жизни видел

Царю Лесному бью челом
заламываю шапку
А он бормочет: поделом
и вдруг берет в охакпу

меня простого грибника
скитальца во Вселенной
и чтоб добить наверняка
лишает плоти брэнной

Хоть знаю что не умер я
но всё же страшновато
Навстречу за семьей семья —
осенние опята

такие же рыжули как
на давнем фотоснимке —
баржу опят будто бурлак
тяну в сентябрьской дымке

Со мною — две девицы: ты
и давняя подруга
На фоне этой красоты
как любим мы друг друга

любому ясно — ни при чем
в том счастье кто-то третий
Мгновенье — к нам вернись ещё
вдвоём тебя мы встретим

ГРИБНОЙ ПРОМЫСЕЛ

Берез пожелтели верхушки
повеял арктический бриз
последние две-три свинушки
сорвал как сентябрьский приз

Мы летом их вовсе не брали
сейчас же нашел и — ура!!!
Но вы нас поймёте едва ли:
опят промелькнула пора

не помнит никто о рядовках —
с изысканным вкусом грибы
о рыжих лисичек тусовках
и не помышляем увы

Что ж лето закончилось бабье
грибная охота на спад
пошла и не то чтоб ослаб я
чутьё потерял наугад

бреду собирать их по парку
вдвоём с Нинаглядной* женой
Гриб каждый подобен подарку
случилось что передо мной

сняв шляпку раскланялся белый —
пол-лета его проискал —
поступок изысканно смелый
О нём повествуя в стихах

* Так автор зовёт свою Музу.

я вижу волшебного гнома
с кривою дубовой клюкой
Как гриб этот тискали дома
и дети и внуки — такой

встречается раз за столетье
он сам ко мне вышел в лесу
Я воспоминания эти
На небо с собой унесу? —

Как знать! — На конкретном примере
о будущем глупо гадать
Воздастся любому по вере
И да снизойдёт благодать

от непредугаданной встречи
с тем белым с дубовой клюкой
на всех грибников кто под вечер
устал от охоты такой...

БОЕВЫЕ ШЕРШНИ

Растворить себя в природе
День-деньской вотще пытаюсь
Я природою питаюсь
Без стыда при всём народе

Отвечает мне природа
Равноценною купюрой
Мы де-факто и де-юре
С одного с ней огорода

Завести с другою шашни
Я не помышляю Боже
И тем более на страже
В боевых прикидах шершни
Кто в них косточкой черешни
Плюнет не гадаю даже

СТРИЖИ

Стрижи стригут траву
а могут между ног
вдруг пролететь
и помогай им Бог

Так хочется дождя
изнемогает тело
Стрижи снуют
над полем
то и дело
как ножницами
крыльшками
щёлк
Возможно
от пролетов
будет толк

ГУСИ, ЩИПЛЮЩИЕ СТИХИ

*Ой, как худо жить Марусе
В городе Тарусе!
Петухи одни да гуси,
Господи Иисусе!*

Николай Заболоцкий

В Купавне — хоть куда. Но и в Тарусе —
Храм над Окой возносится высок...
Одна беда, будто цыгане, гуси
Гогочут, норovia щипнуть стихок.

В Тарусе гуси до смерти щипают,
Зачем, Господь, ты дал воякам клюв?
Гляди-ка, как они переступают,
Твой слог им, видно по всему, не люб!

Воздел вожак под среднерусским небом
Оба крыла, издав короткий клич!
С буханкой шёл, так откупайся хлебом,
А так — ты просто человеко-дичь.

Задобрить нечем — так спасайся бегом,
И не трусцой — тут выручит галоп.
Ты станешь первым коне-человеком,
Из-за стихов не всякий ляжет в гроб.

АНТИКОРОНАВИРУСНОЕ

*Жизнь катящийся камень:
Мгновенье — и в вечность канем.
Родились на свет
И вот он — у изголовья камень*

(Из грузинского фольклора)

Чёрную дворнягу Графа
называют в шутку Грефом
и никто не платит штрафа
заходить — так сразу в трефу
Наблюдать, что с нами будет
где ещё найдет лазейку
обнаглев коронавирусу
Неча на судьбу-злодейку
пялиться, как на папирус
Хоть папирус не пергамент
и на нём своё напишем:
Подкатился к краю камень
мы — ещё живём и дышим

ПРОГУЛКА В ПАРКЕ

*Жаль тех, кто на чужбине
почил в урочный час*

Впечатаны лианы
в кору столетних лип.
Тропические страны
с обильем птиц и рыб

пасуют перед алым
российским снегирём.
Мы, с этим славным малым
век проживя, умрём

под шелест снежной рощи,
под щебет зимних птиц,
под лай дворняжек тощих
с повадками тигриц.

Протянет из-под снега
колючий лапник ель —
желанней нет ночлега
в пургу или метель.

Ведь лапником дорогу
мостят в последний путь.
С благодареньем Богу
в Своей Стране уснуть...

* * *

А мы с тобой болели,
Но в целом уцелели,
И осень нам мила.
Пьем кофе на террасе,
Считая — в общей массе
Добра не меньше зла!

К добру котов причисля,
Ловлю себя на мысли,
Что сам хочу, как кот,
Играть с другим котярой,
Ходить с собратом парой,
Зубатый щера рот.

Съезжать с песчаной кручи,
И в белоснежной куче
Весь выпачкаться в дым.
Хочу быть молодым,
Хвостатым и пушистым...

А после душа — чистым,
Но в старости — седым...

ОТВАГА

*Отважно, тихо всё плывёт
В те самые края...
По крыше камушек ползёт,
А в нём — судьба моя.*

*Из Эгила Плаудиса,
пер. с латышского Д.Ц.*

В лес ускользнули три создания юных
мимо меня седого старика
не знаю я чем занят ум их
но вижу что не мной наверняка
Мне грустно одному остаться в доме

и глупо быть на молодость в обиде
Так жизнь моя промчалась мимо
Кроме меня никто в глаза её не видел
Вотще нащупываю суть отваги:
отважно тихо всё плывёт куда-то
свои стихи я поверял бумаге —
но в ту же бездну кану без возврата
Хотя «те самые края» — не бездна
бубнит под нос «мой въедливый читатель»
Я в Бога веруя когда исчезну
возьму его с собой пока не спятил
Босым ступал по острым скалам Байрон
и вместе с чайками кричал: как больно
Но Менделеев воспевал лишь «iron»
и «augur» всем «удружив» невольню

Два заурядных вроде бы металла
цивилизацию припёрли к стенке
Она от них мучительно устала
и сэлфи стала щёлкать «на коленке»
Но золото хранить как прежде в сейфе
под выкрики: вперёд вперёд не дрейфи
Куда ведут нас мировые банки?
В песок зароят янки свои танки? —
от правды не прикроешься бронёй
В коронавирус не осатаней!!!

Поэзия одна лишь ключ к Вселенной
к её несформулированной сути
Нам Байрон Пушкин Гёте Саади
и Кьеркегор и Джидду Кришнамурти
привить культуру запросто б смогли
но что-то не сошлось схалтурил кто-то —
Господь халтурщиков «вознаградит» —
об этом будет главная забота...
Ещё все перемены впереди...

Ну а пока vivat грибной охоте
нам карантин помог на повороте
истории чуть соскользнувшей юзом
vivat спирали и заплочным грузам

А Uni-verse* ещё не прочтено
хотя живём мы на Земле давно

* Вселенная — универсальное стихотворение

И лишь когда сошел на Землю Бродский
с Вселенной совладать сумел по-плотски
и в Нобелевской речи произнёс:
Всё кроме языка — зола и пепел
вникать учитесь в суть my darling people
где вы жратву скупали и ботинки —
стихи вам буду продавать — на рынке!
Они должны быть как бифштексы с кровью
на «отдыхе» прочтите их с любовью
Кровь и любовь рифмуются прекрасно
А Uni-verse писалось не напрасно —
Стих-отворенье сочинил нам Бог
чтобы дойти до сути каждый смог

Вернулись грибники Шкварчит жарёнка
Мы счастливы с женой как два ребёнка

БЛАГОДАТЬ ГОСПОДНЯ

Сегодня день таков, что не припомнить лучше.
И соловей толков, — взвизывается всё круче
Немыслимая трель, что ввинчивает в небо...
Рождественская ель повержена, нелепо

Желтея, где в сугроб, зелёную, воткнули
Мы в декабре, но, чтоб лежать так и в июле?
Однако к ёлке ёж прибрёл — юрк под иголки.
Он на неё похож, и прочь все кривотолки —

Пускай себе лежит, ежищу укрывая, —
Дана вторая жизнь — ты, стало быть, живая.
Жилец уж молоко из пепельницы хлещет,
Глядите-ка каков... раз есть такие вещи,

Как соловей в саду и каждогодний ёжик,
То мы здесь не в аду, скорей, в раю...

Помно-

жить

Всё это на котов, что погостят сегодня...
И я вздохнуть готов: вот благодать Господня!

СОЛОВЬИНОЕ РАГУ*

В консерватории майского сада
от соловьев обалдели коты —
очень уж нравятся трель и рулада,
чуя добычу, урчат животы.

Хищникам музыка не интересна —
как бы подкрасться поближе к певцу:
цап и прервется чудесная песня,
ложь умиления убийцам к лицу...

Утром почешешь холеную шёрстку,
что там укрыто у них в животах
и отчего так прибавилось лоску,
столько игривости в наглых хвостах?

Может, и не виноваты нисколько, —
спел соловей о любви и умолк.
Позреть нелегко, как ни горько,
в деликатесах коты знают толк!

Но и гурманам в строку будет лыко —
из соловьиных одних языков
ели рагу они, и, как ни дико, —
ты, человек, на поверку таков!..

Но, слава Богу, вновь щелканье слышу —
самозабвенный карузо, ты жив!
Ну, и коты потянулись на крышу
не пропустить к верхней ноте порыв...

— Кыш, меломаны, — схватился за швабру,
но из партера семь миль до конька...
С рыжим и черным пью абракадабру
Льющуюся у певца с языка...

* Это блюдо было одним из самых дорогих в Древнем Риме. Одно время во Франции пытались ввести моду на этот деликатес, но процесс приготовления был слишком хлопотным. А у нас ели: летом 1754 г. в Кусково императрице Елизавете подавались кабаньи головы, сваренные в рейнском вине с приправой из оленьего рога, жареные лебеди и павлины в уборе из собственных перьев, рябчики на углях из гвоздики, рагу из петушиных гребешков, и, конечно, соловьиные язычки.

КАК У МАРКЕСА В МАКОНДО

Распахнутая мокнет рама —
дождь монотонно зарядил.
Жизнь в сумерках — ещё не драма.
Когда-то кончатся дожди.

Хотя у Маркеса в Макондо
случился дождь длиной в квартал,
и расплодились анаконды.
Когда у нас такой хлестал,

в саду приметил я змеюку,
а подошёл — котяра хвост
из гамака мне всунул в руку,
и я, как плыл — так и прирос

к бескрайней повсеместной глади,
не в силах вымолвить: кис-кис...
Но позже стал по шёрстке гладить
наш оберег от наглых крыс.

ПРЕДОСЕННЕЕ АНТИКОРОНАВИРУСНОЕ

Желтизны добавил в кущи
зелени пятиэтажек
ветер беспощадно жгущий
листья без поблажек
Каждого ошпарить чтобы
сгустком ярости и злобы

Последний листик
на октябрьской ветке
ещё далеко но далеко не редки
то здесь то там желтеющие пряди
в сменяющемся на глазах наряде
ещё в дожди не канувшего лета
притормозившего

за поворотом где-то

Сюда сюда — мы без тебя скучает
Последний всплеск твой
был уже отчаян
казалось неминуемая осень
на раз под ноги

листья с веток сбросит

О бабье лето
ты за поворотом
притормозило
ждёшь грибной охоты
и мы уж приготовили корзины
грибочки к водочке идут
в глухие зимы

На старт Внимание
и кто куда со станций
похерив стресс американских санкций
За рыжиками белыми Опята
В корзинки лягут скромно и опрятно

Мы засолим всех и замаринуем
Что ж осень раз черёд твой неминуем
добавим ещё квашеной капустки
В объятъя заключив тебя по-русски

Все говорят: ты мировая баба
и Пушкину потрафила не слабо
и для других всегда была услугой
стань и для нас за карантин наградой

ЛОПУХИ

Лопухи стоят стеною
У подножья Арарата
Обращаться надо к Ною
Чтоб не кануть без возврата

Обращаться нужно к Каю
Чтобы выдал визу в Вечность
Я и сам не зарекаюсь
От ухода в бесконечность

Став персоною нон-грата
Несмотря на всю беспечность

ТАМ И ТУТ

Ветер хлопья снега крутит
вместе с каплями дождя
Меж стихиями все круче
разгорается вражда

Без зонта не ступишь шага
сверху выльется ведро —
несмотря на всю отвагу
ты уж до костей продрог

Ну а где-нибудь на БАли
на Канарах и в Сочах
где я верю вы бывали
щторм не свищет по ночам

Хорошо там на курортах
с мировой известностью
повсеместно ходят в шортах
для знакомства с местностью

В океан ныряют в плавках
Или просто нагишом
Там давно решили в Главках:
— Всё о'кей! — Всё хорошо!

Только выучу английский —
сразу в гости полечу
надоел мне климат склизкий —
на Канарах жить хочу

но отнюдь не на халяву
а за суверенный рубль
Поработав Тут на славу
я и Там готов на дубль

Если мне наградой будет
турпоездка на Бали —
буду жить там как все люди
на российские рубли

на худой конец юани
не за долларов фантом
Кто владыкой мира станет
и случится что потом

на густой кофейной гуще
надоело Тут гадать
Непогода наша слаще
Чем иная благодать

Станем все отказниками
Не поедem никуда
И пусть плещет в океане
Зарубежная вода!

КРУТЫЕ ГОРКИ

Над лесом солнце оловом
По кронам разлито
Кто слово Божье молвит нам
И спросит с нас за то

Что жизнью называли мы
Когда кипела кровь
Ещё мы не развалины
Жива ещё любовь

Но где-то там на доньшке
Испуганной души
Спускаются на солнышке
Под горку малыши

Как им нам было весело
Проехать дальше всех
С каких времён не бесит нас
Чужих саней успех?

Неужто не попробуем
Рискнуть ещё разок
Промчаться над сугробами
Вспять совершив прыжок

А ну-ка кто там с горочки
Съезжает на тазу?
Свои предъявим корочки
На голубом глазу

Скользя по льду салазками
В дубленку пряча грудь
Девчонки строят глазки нам
Мы ж любим их чуть-чуть

Но главное для нас рекорд
Пускай не мировой...
Иду домой рекордом горд
От счастья чуть живой

СНЕГ ПРОНЗИТЕЛЕН И НАГ

Снег пронзителен и наг
расстилается у ног
стоит хоть кому из нас
высунуться за порог

он всё так же прост и чист
Так похож на белый снег
в принтере зажатый лист
что пасует человек

перед снега крутизной
кажется что лета зной
не вернуть уже сюда
даже и через года

а как знать и через век
Отряхнув снежинки с век
помотаешь головой
с променада юркнув в дом

в комнату просеменив
незанудлив неленив
и после морозца свеж
а местами даже ал

и со взглядом из-под вежд
будто бы кого-то звал
А кого тут призывать
если рядышком с тобой
во сыром бору Зима
заселила терема

мельтешеньем зимних птиц
галок снегирей синиц
С той поры так и живем
Я

и ты с Зимой —
втроём.

*2020 год – 75 лет победы
в Великой Отечественной войне*

День летнего Солнцеворота – Коловрат –
один из главных праздников годового солнечного
цикла славян, наступающий
20-22 июня (в зависимости от года)

УДЛИНЕНИЕ ТЕНИ

*Вобрал в себя всю прошлую беду
И ту, что неминуемо случится,
Тот давний, самый длинный день в году...
Мне кажется, что до сих пор он длится.*

Владимир Прибытков

Промелькнула лета треть,
отцвели сирени.
Будет жутко лицезреть
удлинение тени.

Лишь случится Коловрат –
тень длиннее станет
и, как в тот далекий год,
сердце болью стянет –

двадцать первое, июнь,*
завтра час блицкрига.
Жалами фашистских пуль
вся прошита книга

Памяти о прожитом.
Удлинение тени
Совершится, как и в том
давнем Воскресении

АТАКА

Поле полно ромашками
бабочками и васильками
Фашисты сверкая пряжками
идут по нему рядами

* Великая Отечественная война началась 22 июня в ночь с субботы на воскресенье

у всех рукава закатаны
чуть повыше локтя
всей Европы солдаты
по полю идут шутя

Немцы венгры хорваты
румыны в строю СС
Русские тем виноваты
что посчитал их Гесс

неполноценной расой
В пилотках стоят без касок
у каждого свой окоп –
не дал слабины чтоб

Взводный сто грамм налей-ка
Наша жизнь что копейка –
не пропадёшь дважды
Губы ссохлись от жажды
тверже держи прицел
каждый кто ещё цел

Цепью идут фашисты
закатаны рукава
против них коммунисты
пчёлы шмели трын-трава

Немец торчит в прицеле
венгр румын хорват
залпом по каждой цели
бьет из окопа солдат
быстрый глоток из фляжки
фрицев мелькают ляжки

ротный орёт: в штыки!
Будто жуки мужики
выкарабкались из окопа
лихо бежит Европа

В задницу из трехлинейки
сходу не промахнусь
в прошлом – ныне – навеки –
за неотмщенную Русь!

СЛАВЯНСКИЙ ДИПТИХ

I. ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

*Все сильнейшее, что Столица
В час суровый собрать смогла* ...*
Поименно вспомнить бы лица
Всех, кого Она не сберегла.

Нескладный, худой ополченец в пенсне,
Всем телом к сосне приник.
И, раненый, видел уже, как во сне,
Задóхнется фрицев блицкриг.

Очнувшись, он раны омыл водой,
И силы черпнул из реки.
И сделал так один, и другой,
и много было таких...

Жасмином и счастьем пахнет июнь —
про морок войны забудь
В траву ляг и на одуванчик дунь —
А дальше уж ветру дуть.

Летит пушинок десант — кто куда,
Насвистывает соловей,
В реке от рыбьих хвостов вода
Становится всё живей

На радость дорвавшимся рыбакам
Со спиннингами в руках.
Живою реку зовут Ока —
Поймай её в бредень стиха,

* Первые две строчки взяты у Лии Владимировой (Юлии Дубровкиной) из её поэмы о московском ополчении, напечатанной в «Московском комсомольце» ещё до эмиграции поэта в Израиль. Свидетельствую, что Юля колебалась, выбирая: всё сильнейшее или всё слабейшее? Добровольцы непризывных возрастов были сильны духом, но слабы в военном деле, поскольку не были этому обучены. На их долю выпало тяжелейшее испытание, что подтверждают бои под Тарусой, Серпуховым, но москвичи выстояли.

В честь тех, кто раны живой водой
Омыл, опростав ладонь,
И в бой возвратился, справясь с бедой,
Пылает Вечный Огонь.

II. АПОФЕОЗ ПОБЕД ПЕТРА I и 9 МАЯ**

По карте в военном планшете
всю Польшу отец мой прошёл
и каждый день прожитый метил
он красным карандашом

где лбами сшибаются стрелки —
Там был в окружении бой.
А Тут петергофские белки
следят, как стрелки, за тобой.

Подкинешь каленый орешек —
проявят к тебе интерес.
Тут в парке скульптуры у лестниц —
и золота жаркого блеск.

И пафосным этим ваяньям,
что Петр водрузил на века,
времен не страшны расстоянья
и сумрачной Леты река.

Всё ближе Девятое мая,
а там уж и ехать домой.
Тебя у прудов я снимаю
в пальто, будто ранней зимой.

Обратно умчит нас «сапсана»
короткий и мощный порыв.
Я дома планшетку достану,
заветную карту раскрыв,

** Петр I создал «Русский Версаль», Петергоф, как город-памятник победам, одержанным под Полтавой над армией Карла XII, а также в морских сражениях при мысе Гангут и острове Гренгаме над англо-шведским альянсом за выход к Балтике. В годы Великой Отечественной Войны фашисты превратили город в руины, но уже в 1944 году правительство СССР принимает решение о восстановлении Петергофа.

с Победой 9-го Мая
сравним петергофский Версаль.
— Чубиночка, обнимаю, —
отец пишет матери вдаль.

И все ордена и медали,
как танки, готовы к боям.
Хоть были отцы не из стали —
стальными назвал бы их я.

Добыв нашу будущность с боя,
на Родине встретили Май.
С наградой их выйдем любовью —
никто уж не скажет: снимай.

Мы Первые Мирные Дети,
заветную карту раскрыв,
Следим, как шагал по планете
Наш демографический взрыв.

ТАРУССКИЕ ПАМЯТНИКИ

Денёк — что надо: снег ночной не стаял
течёт Ока — и что ей океан?
День все фигуры на доске расставил,
как танки генерал Гудериан.

Но танки те давным-давно сгорели.
Марс — бог войны — солдат испепелил.
Слышней всё по весне шаги капели,
по снегу дождичек засеменял.

...Ефремов — генерал — рожден в Тарусе
«Солдат — не бросил, Родины — не сдал»*.

* В Тарусе на площади Ленина, бывшей Соборной, недалеко от храма апостолов Петра и Павла стоит поясной памятник Михаилу Григорьевичу Ефремову, уроженцу Тарусы, генерал-лейтенанту, руководившему 33-й армией в Ржевско-Вяземской операции. Его армия попала в окружение, и Сталин прислал самолет, чтобы эвакуировать боевого генерала, но он отказался покидать своих измученных солдат и отправил на самолёте боевые знамена своей армии и раненых. 19 апреля 1942 года командарм Ефремов был тяжело ранен и, не желая попасть в плен, застрелился. Вместе с ним погиб практически весь штаб армии. Дошедшие до нас документы свидетельствуют, что

Во имя Высшей Правды он не струсил —
и вот взошёл на скромный пьедестал:

бюст поясной его стоит, небросок,
в дверях собора Павла и Петра
и хора певчих гулкой отголосок
течёт к нему, как ручеек, с утра.

А за собором над приокской ширью
Стоит Цветаева до боли хороша
Неужто впрямь за непомерной далью
блуждает неумная душа?

А дальше Ахмадулина в костюме
стоит, «Марины младшая сестра»,
сосредоточившись в глубокой думе,
промёрзнувшая на семи ветрах.

Ещё один есть памятник, однако, —
писатель Паустовский у Оки
а с ним его любимая собака,
на лапы встав, о чём-то говорит.

В центральном парке — Заболоцкий, гений,
В очках взошел на пьедестал за ними вслед.
Тут быть не может двух различных мнений —
другого мастера такого нет.

Я встречи с ними жду, живя в Тарусе, —
Чтоб посидеть бок-о-бок тет-а-тет.
В неизвестности я, как они, не трусил, —
Переводя «прибалтов» столько лет.

Но там теперь «приют комедиантов»
Язык-посредник — русский не в чести.
А чтоб любили Маленьких Атлантов, —
На русский нужно было их перевести.

в 33 армии не было ни одного факта коллективной сдачи в плен. Не сдавались до последнего. Немцы нашли Ефремова первыми. Когда тело командарма принесли на жердях, немецкий генерал потребовал, чтобы его переложили на носилки. При похоронах он приказал выставить пленных из армии Ефремова перед немецкими солдатами и сказал: «Сражайтесь за Германию так, как сражался Ефремов за Россию». М.Г. Ефремова немцы похоронили с воинскими почестями в селе Слободка.

«Здесь переводчик жил...» — увижу ль «доску»
на доме Сивцев Вражек 32, —
«Он над стихами расшибался в доску,
чтоб отыскались нужные слова,

Любил японцев бесподобных танки
и пустоту вокруг знакомых слов.
Он мир перелицовывал, с изнанки
его споров, чтоб тот был юн и нов».

Бюст Гнедичу поставлен под Полтавой
И Илиада славится в веках
У нас, как в Греции, Гомер увенчан славой, —
все с детства помнят ритм его стиха

Мы чтим и любим Гнедича — поэта
и переводчика в одном лице
за то, что воплощая чудо это,
Сердца гекзаметром взял наши на прицел.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ИЮНЯ

*А каждый второй — тоже герой
В рай попадёт вслед за тобой.*

Владимир Высоцкий

Целуют мухи в губы
пикируют слепни
от их повадок грубых
Господь меня храни

В левадах кони мечутся
летят быстрее огня
Жар в середине месяца
для сердца — западня

Тридцать один по Цельсию
в домах засел народ
Готовится ли к шествию
стихийный Крестный ход?

Иль сбавит жару чуточки
Июнь Двадцать Второй
Какие уж тут шуточки
каждый второй — герой!

В Войну вступали конники
не раз в неравный бой
Кадр из военной хроники
возьми почти любой

Неслись гуртом «ковпаковцы»
на танки умирать
гляжу — готов расплакаться
других где было взять?

Над лошадьми асы ос
кружат как в дни войны
Зайди на брошенный погост
чьи голоса слышны?

Кто тут полёг — попали в рай!
Как там теперь они?
Здесь сеном полнится сарай
клубникой пахнут дни

Помянем тех кто подарил
нам шанс сойтись с Судьбой
лицом к лицу — идя на Вы
вступая в ближний бой.

НАСЛЕДСТВО

Возьмешь фотокарточку с полки — твой дед,
Чуть-чуть помоложе, чем ты,
В военную форму с ремнями одет,
Застыл у незримой черты:

Недолго ему предстоит воевать,
Но он уже видит войну
И сына, что горько корит его:
— Бать, как ты оказался в плену?

Отец мой не знал, что вернется живой, —
За деда хотел отомстить...
Эх, был бы мой дед лишь боец рядовой,
Так не о чем было б грустить.

Не должен был немцу сдаваться майор,
За что и попал в лагерь.
Давно бы пора позабыть — до сих пор
Я помню об этом, а зря.

Ведь деду с отцом уже не до обид —
Давно почивают в земле.
А мне от своих не упрятаться битв,
От «пепла Клааса» во мне.

Не думал, что жизнь эта та же война,
Что нужно пройти до конца...
От деда бескрайняя эта страна
Досталась мне и от отца...

КАПИТАН

В Войске Польском командиром
до Победы прослужил
мой отец. Его мундиром
я б гордился будь он жив

Из двух старших классов школы
не погиб лишь он один —
на трубе игравший соло
в джазе бабы-Симы сын

Снимок свой в конфедератке
с фронта переслал для мамы
были их свиданья кратки
а намеренья упрямы

На послевоенном снимке
мы троим — как на картинке

БОЙЦЫ БЕССМЕРТНОГО ПОЛКА

1. МОЙ ДЕД

Николай Игнатьевич Цесельчук (1897—1972), мой дед, был из старых большевиков. В 1941 он ушёл добровольцем на фронт, пожертвовав фронту самое дорогое, что у него было — велосипед.

Оказавшись в одном из «котлов», попал в «Освенцим», вошёл в состав подпольной партиорганизации, был связным генерала Карбышева, погибшего на его глазах.

Весной 1945 года, когда заключённых перевозили в товарнике в другой лагерь, они с

товарищами выломали пол и, на полном ходу десантировавшись на шпалы, бежали в сторону Праги, где стали участниками Пражского восстания.

«Освенцим» не был для деда первым лагерем, и не стал последним. Когда началась Первая мировая, дед жил в Варшаве, учился в православной семинарии. Получив предписание о мобилизации, отправился по указанному адресу. А в это время немцы прорвались к городу. И надо же было так случиться, что пути молодого человека и немецкого солдата сошлись на берегу реки. Деду удалось сбросить захватчика в реку, но тут же он был схвачен его подоспевшими товарищами. Так дед попал в свой первый лагерь для военнопленных русских солдат в Голландии.

А потом: возвращение в революционную Россию, участие в социалистическом строительстве, встреча с таким же романтическим человеком — Серафимой Постниковой, тоже из духовного сословия, тоже ставшей пламенной революционеркой, отрицавшей Бога, богатство, спокойную сытую жизнь. Они поженились в 1919, у них родился ребёнок, мой отец. И вместе они ездили по всей России по заданиям партии: раздавать беднякам землю, организовывать совхозы, налаживать партийное строительство в самых разных сферах. Долго засиживаться на одном месте не приходилось — так что всё время в дороге по новым адресам. В те годы так работали убеждённые коммунисты, которым карьера и достаток были безразличны, они даже относились к этому с брезгливостью. Успели отучиться в институтах. Бабушка, взявшая фамилию мужа, работала и главным редактором в одной из региональных газет, и в ведомстве Н.К. Крупской.

Деда не обошли стороной жуткие «сталинские» «чистки». В конце 30-х его заподозрили в шпионаже в пользу Польши, благодаря звучной польской фамилии. Но ареста он сумел избежать. Предупреждённый другом, незаметно во время перерыва ушёл с совещания, на котором должны были поставить вопрос о шпи-

онаже, незамедлительно сел в поезд и отправился из Омска в Москву, к родственникам. А столица — это уже другой регион, там были свои списки заподозренных, свои проценты по арестам.

Вскоре началась война, «Освенцим», побег.

После войны дед оказался в третьем за свою жизнь лагере, теперь уже в нашем, для офицеров, прошедших плен, лагерь под Тайшетом. Оттуда дед не бежал, он писал письма, жаловался и негодовал, что сидит в одном бараке со всякой сволочью — власовцами, предателями и уголовниками.

Друзья, люди влиятельные в тот момент, помогли деду освободиться из лагеря, но партийного билета он лишился. Через некоторое время по запросу жены, моей бабушки Серафимы Яковлевны, коммунисты из Чехословакии прислали документы, подтверждающие участие деда в Пражском восстании в мае 1945 года. Бабушка обратилась в высшие инстанции с просьбой восстановить Цесельчука Николая Игнатьевича в партии, как участника Пражского восстания. Деду вернули партбилет, и он стал персональным пенсионером Республиканского значения, в отличие от бабушки — пенсионера Всесоюзного значения.

Мои дедушка и бабушка, как старые большевики, получили в подмосковной Купавне двенадцать дачных соток, обзавелись хозяйством, сажали клубнику, цветы, яблони... А дед учил меня столярному делу, и через много лет я своими руками построил террасу на даче. Мужчина должен построить дом — этому меня научил мой потрясающий дед. Моя первая поэтическая книга так и называется — «Это мой дом».

II. МОЙ ОТЕЦ. КОМАНДИРОВКА НА ВОЙНУ

Мой отец, Юрий Николаевич Цесельчук, родившийся 30 мая 1921 года, начало войны встретил на Дальнем Востоке. Все, что он сам об этом написал, сразу после моего рождения

в 1946-ом, оказывается, хранилось в его фронтовом планшете вместе с треугольничками пожелтевшей переписки с мамой, Кирой Сергеевной Цесельчук:

«9 октября 1940 г. я был призван на действительную службу в Красную Армию. Из Москвы попал на Дальний Восток в город Ворошилов-Уссурийский. Службу начал в 408-ом Отдельном автобатальоне армейского подчинения (25 Армия Дальневосточного фронта), в учебной роте. В канун Великой Отечественной войны я и мои сотоварищи по учебной роте автобата были уже аттестованы военными водителями, подготовленными к работе практически на всех советских грузовых автомобилях.

22 июня 1941 года, в воскресенье, как обычно в 6.00 утра (по местному времени), был подъём, затем утренний туалет, завтрак, во время которого до 7.00 мы слушали передачу последних новостей из Москвы за субботу 21-го июня в 24.00 по московскому времени. Затем я отправился в увольнение в город. Побывал на квартире директора железнодорожной школы №1 Елагина. Он мне сообщил, что получил от моей мамы — тоже директора одной из московских железнодорожных школ — письмо, в котором она писала, что собирается в начале июля приехать в Ворошилов навестить сына. Из увольнения в расположение части я возвратился где-то без 20-30 минут в 13 часов. Меня поразила какая-то необычайная тишина и молчание на территории военного городка. До обеда оставалось 10-15 минут. Я присел на одну из скамеек пустынного летнего театра. Вдруг как-то страшно захрипела «тарелка» репродуктора радиоточки; послышалось бульканье наливаемой в стакан воды; затем глухой мужской голос заговорил: «Граждане и граждане Советского Союза, несколько минут назад от меня ушел посол Германии Шуленбург. Он приходил сообщить, что Германия объявляет нам войну. Но уже в 4 часа без всякого объявления войны, внезап-

но и вероломно немецкие войска атаковали наши вооруженные силы на всем протяжении Советско-Германской границы; фашистские самолеты бомбили Киев, Минск, Ригу и другие советские города...». Это выступал нарком иностранных дел В.И. Молотов. Его заявление началось по нашему местному времени в 13 часов 10-15 минут, по московскому — в 6 часов 10-15 минут.

После обеда, через 3-4 часа наш 408-ой ОАБ был поднят по тревоге и направлен к советско-маньчжурской границе в район п. Гродово.

Проходили день за днем. Японцы не нападали. А на западе бушевала война. Немецко-фашистские войска продолжали быстро продвигаться вглубь нашей страны; Красная Армия с тяжелыми боями отступала. В начале июля в наш автобат прибыли представители Бронетанковых и механизированных войск 25 армии с предложением поступить на армейские курсы младших лейтенантов и воентехников. Я подал заявление о зачислении и стал курсантом этих курсов. Занимались по 14-15 часов в день; попутно помогали убирать картошку в Приморье. В конце декабря состоялся выпуск. Мне было присвоено звание младшего техника-лейтенанта и я был направлен в 72-ую танковую бригаду, дислоцирующуюся в п. Раздольное. На вооружении у нас были танки Т-26 и БТ-7, потом прислали одну «тридцатьчетверку» и один КВ. Я работал на разных технических должностях: в последнее время, до конца 1943 г., уже в переименованной из 72-ой в 259-ую танковую бригаду — был командиром эвакуационно-тракторного взвода танкового полка.

За это время на фронтах Великой Отечественной войны произошло много событий. В декабре 1941 г. нашей Красной Армии в битве за Москву удалось остановить натиск немецко-фашистских войск, перейти в контрнаступление и нанести немцам первое крупное поражение. В кровопролитных боях в подмосковье отличилась прибывшая

с Дальнего Востока из нашей 25-ой Армии 32 дивизия им. Серго Орджоникидзе и 40-ая С.Д. Наша победа в Московской битве вселила в нас уверенность в наступлении коренного перелома в ходе войны, веру в наши дальнейшие боевые успехи.

Однако летом 1942 года началось новое масштабное наступление немцев на юге страны, на Воронежском, Сталинградском и Северо-Кавказском направлениях.

Естественным был патриотический порыв нас, молодых командиров дальневосточников. Многие не раз подавали рапорта с просьбой направить на фронт. Писали на имя командующего 25-ой Армии и Верховного главнокомандующего. Однако нас, дальневосточников, не отпускали, а особо ретивых даже наказывали: 10 суток домашнего ареста с вычетом из зарплаты (за обращение не по команде). И вдруг в мае 1943 г. мы услышали по радио обращение Председателя Совета Польских Патриотов в СССР, известной писательницы Ванды Василевской, к находящимся на территории СССР гражданам польского происхождения вступить в формируемое народное войско польское — в пехотную дивизию им. Тадеуша Костюшко, которая незамедлительно отправится на фронт и будет плечом к плечу совместно с Красной Армией сражаться с немецко-фашистскими захватчиками. До этого нам было известно, что сформированная на территории СССР по договоренности с Польским эмиграционным правительством в Англии 100-тысячная польская армия ген. Андерса, летом 1942 года отказалась исполнить просьбу Советского правительства вступить на подмогу Красной Армии под Сталинградом и была выдворена из СССР в Иран, в зону английских оккупационных войск.

«А это...», — сказал мой товарищ, Петр Шабалин, — «у меня мать полька». «А у меня, — сказал я, — «Мать отца тоже полька»...

«Давай напишем Ванде Василевской, попросим её ходатайствовать перед коман-

дованием Красной Армии о командировании нас в формируемую польскими коммунистами братскую нам народную польскую армию!»... Такое письмо мы написали. А в сентябре 1943-го г. нам пришел вызов в Москву, в главное управление кадров РККА. В октябре мы приехали в Москву и получили из наркомата обороны СССР направление в штаб формируемого уже 1-го Польского корпуса, находящегося в с. Сельцы Рязанской области (до этого была уже сформирована дивизия им. Тадеуша Костюшко). Так я оказался в 1-ой польской танковой бригаде. Им. Героев Вестерплатте, с которой прошел её фронтовой путь от Монастырщины до Гданьска. В ночь с 30 на 31 декабря 1943 г. мы погрузились в эшелон и через сутки выгрузились под Смоленском, а оттуда своим ходом на Западный фронт...»

В июне 1946 г. отец по фронтовой контузии был уволен в запас уже из рядов Красной Армии. Так закончилась его командировка на Западный фронт.

Став инвалидом I группы ВОВ, отец в одну из поездок по социалистической Польше стоял на том самом месте, где стояло немецкое орудие, обстрелявшее его танк, на броне у которого он со своими солдатами ехал в конфедератках. Снаряд попал в брусчатку, а один из камней в голову отца... Во фронтовом планшете я нашел ещё и «Выписку из приказа № 1060» Главного Командования Войска Польского от 31.10.1945 г. о присвоении Цесельчуку Юрию Николаевичу звания «Капитана технической службы».

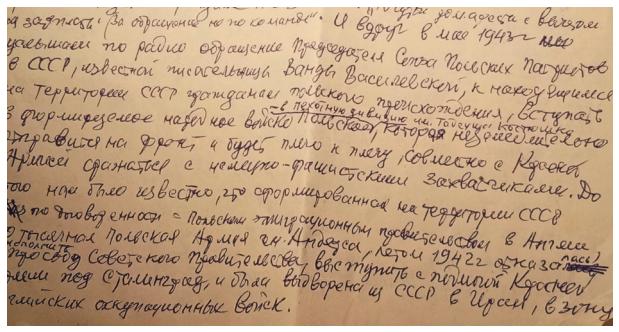
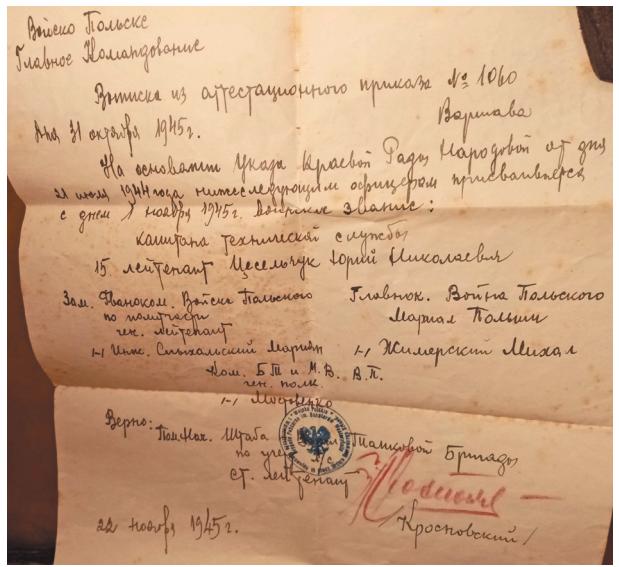
Аксаковская тридцатка, где нынче с портретом доска, жилось нам порою не сладко, но не заедала тоска.

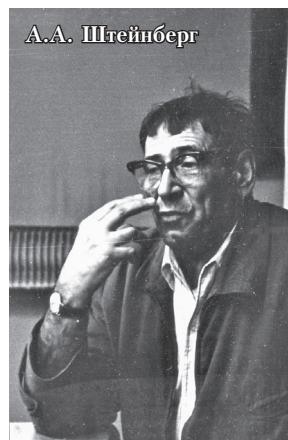
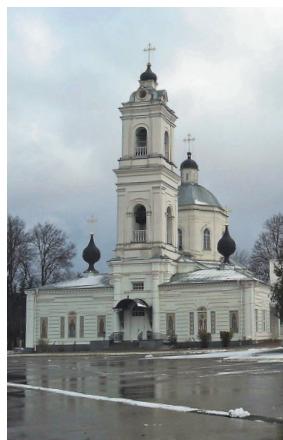
Мы — первые мирные дети, рожденные в сорок шестом. Мой выпуклый лоб на портрете детсада помечен крестом.

Распахнутый кителя ворот и непригибавшийся чуб. Студента встречающий город, и жусть отвечающих губ.

И первые взрослые планы, мой первенец на руках... Пока били фрицев иваны, я и не мечтал о стихах,

Меня еще не было в планах, вот выжил бы только отец, И жизнь моя в этих иванах вставала и шла под свинец.

Могилы Ариадны Эфрон

Марина Зубкова.
«Самовар. В музее
М. Цветаевой»

ЗЕМНОЙ МАРШРУТ

(Городские кладбища № 1 и № 2 в Тарусе)

Над тарусским погостом неслыханная тишина
И покой такой, что холодит как лёд.
...Паустовского знала практически вся страна,
И народ к нему свидеться и сейчас идёт.
Ну, а Эдик Штейнберг конгениально варил
Для каминов решётки —
на могиле гранитный куб.
Балагурить и бражничать
мог Аркадьич* хоть до зари,
Ни словца не слетит теперь
с окаменевших губ.
И ограды, везде ограды,
хоть плохонькая, но своя.
Свой гранит или мрамор
или попросту фото и крест.
И такая ничья тут вокруг
распласталась земля,
Что смогла бы принять в себя
все поколения Next
И, быть может, там, где моя ступает нога,
Или где-то здесь, или где-то тут
Будет смерть моя уже не меня настигать
Погребальной мздой за последний
земной маршрут
Кладбище Номер один покидаем,
садимся в авто и прочь.
Ночь ещё не вступила в свои роковые права.
Дома ждёт уже нас на семейном
застолье дочь.
Врассыпную от фар убегают в лес дерева.

* Эдуард Аркадьевич Штейнберг, скульптор по металлу, сын поэта, художника, поэта-переводчика Аркадия Акимовича Штейнберга. Автор этой книги посещал переводческие семинары Акимыча, как между собой называли его ученики. На эти семинары приходили Э. Лимонов, Л. Губанов и многие другие. В Тарусе у Штейнбергов был свой дом, в нём сейчас музей. В 1961 году Аркадий Штейнберг стал одним из инициаторов, составителей и редакторов сборника «Тарусские страницы», альманах подготовлен к изданию К. Паустовским. И хотя ничего антисоветского в нём не было, тираж был приостановлен и изъят из библиотек, что сопоставимо с гонениями на более поздний «Метрополь».

— Где-то там, — рукою взмахнул наш гид, —
Кладбище Номер два, —
На мгновение потеряв из ладоней руль, —
Мы, во встречную фуру не врезавшиеся едва,
Изрекли: «Нам рано туда...»

Тогда газуем в июль!

* * *

Наталья Штейнберг

Штейнберг с лодочным мотором
не плече и пес Фома
дай бог памяти в котором?
в мае семьдесят восьмого
шел по травке босиком
ну а мы за ним гуськом
пес Наташа следом я
шли в прибрежные края
залезал Акимыч в лодку
ставил подвесной мотор
на Наташу на красотку
гляну и потуплю взор
водолаз Фома ликует
разгоняя рыб окрест
лодку заселил Акимыч
нам с Наташей не оставив
и Фоме свободных мест
За кормою воды Стикса?
Мы стоим на берегу
в уравнение «у» с «х»-ом
жизнь = чему там?

с пустяковую задачей
справиться я не могу

Андрей Волков.
«Электрик»

ФОМА

Памяти А.А. Штейнберга

Фома спит на боку,
вздыхает во сне,
как человек,
у Фомы дрожит
верхняя задняя лапа.

Эй, Аквинский,
ку-ку,
отдай мой тапок!

Нет, конечно, Фома —
другого сердца тюрьма.

Снятся страшные сны Фоме,
Скоро приснятся мне.

ПОМИНАЛЬНАЯ ПО СЕРГЕЮ ВОРОНИНУ*

***Народ наш верит в чудеса:
То в Кашиповского, то в Чумака,
То в Пояс Богоматери,
С надеждой смотрит в небеса
И посылает всех по матери.***

Сергей Воронин

Середина Лета минула
хочешь плачь а хочешь вой
будто в нети Лето кануло
Слышу голос твой живой

* С.Д. Воронин — историк, архивист, ученик С. О. Шмидта, исследователь творчества Андрея Белого, член Союза литераторов России, специалист по литературным архивам российского зарубежья, автор работ об А. Белом, Н. Евреинове и др., работал в ЦГАЛИ, создатель издательства «Река времён», преподавал в РГГУ, государственный стипендиат в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России»; Лауреат «Премии Андрея Белого» за книгу ««Люблю тебя нежно...». Письма Андрея Белого к матери 1899—1922», (2013); постоянный автор альманаха «Словесность» и газеты «МОЛ». Сын фронтовиков: его мать — фронтовая медсестра, а отец — участник Сталинградской битвы, ослепший в результате ранения.

Больше с нами нет Воронина
всем своё сказал ты «карр»
Лето красное обронено
медяком на тротуар

Я надеюсь распогодится
у тебя на небесах
а у нас дожди как водится
да вороньи голоса

Кажется уж всё прокаркали
но всё громче карр да карр
За молодкам их хахали
входят в предвенчальный кадр

Мёд июля в сотах загустел
Мы прощаемся любя
Лето ещё будет в августе —
как не жаль — но без тебя

Каждому планеты жителю —
по вороньему перу
— Стал Воронин небожителем, —
в ухо лета проору,

выкриком растормошу вороний грай —
птицы ввысь взметнутся кто куда...
Даже им не заглянуть за неба край —
пусть себе галдят на проводах.

ЧУРЬ

Чурь — славянский бог границы, сын Оберега, внук Сварога — верховного бога восточных славян, бога-кузнеца. «Обоготворённый предок чествовался под именем чура, в церковнославянской форме жура; эта форма доселе уцелела в сложном слове пращур...» (В.О. Ключевский). По легенде, Бог Чурь спустился с неба, чтобы разделить землю между людьми. Когда Чурь пришёл к людям, они говорили: «Чур, моё, Чур, мне». Если чувствуют опасность, произносят: «Чур, меня, Чур!». Чураться: отодвигаться, проводить границу между собой и этим явлением. Окочуриться: стать неподвижным, как Чурь на своих границах. Чересчур: это когда ситуация переходит всякие границы.

1

жить продолжать в чужом обличьи
но не красуясь как фазан
в обидном для других величьи
Душе прикид в рассрочку дан
так надо полагать от Бога
не считаешься — возврат
грозит голгофой и тревога
сжимает сердце аккуратно

когда готов пойти на дело
людей оШЕЛОМя окрест
некомплексующих и смело
несущих свой нательный крест
спасающихся от греха
косящим глазом петуха

2

косящим глазом петуха
отмеченные словно тиком
кто вам воздаст без пастуха
какой-нибудь там гоп со смьком
кто жизнью вашей помыкал
в угоду собственному благу
В папахе белой аксакал
вот ваш ответчик за отвагу

как все вокруг с оглядкой жить
высоких не имея планов
за кои могут укорить
И руки вынув из карманов
не смели чтоб винить в двуличьи
перенимать повадки птичьи

3

перенимать повадки птичьи
не всякий увалень горазд
есть не у всех талант в наличьи
не всякому Господь воздаст
за все превратности служенья
хоть лоб о плиты расшиби
Отринь же крест самосожженья
О Храме Божьем без любви

не помышляй — вещей порядок
без близости — фантом и блажь
И Соблазнителью меж грядок
густых бровей с размаха вмажь
Забудь про все хи-хи ха-ха
отЧУРкиваясь от греха

4

отЧУРкиваясь от греха
перекрестись на всякий случай
украинская ночь тиха
и русская её не лучше:
гнездится как в дупле угод
а на поверку выйдет филин
а для него и слог не тот
и харч белками не обилен

сожрёт беднягу-мышь в ночи
солидная по виду птица
а после попусту кричит
Вот мог бы мне хотя б присниться
из сказок Гофмана кораблик
чур-чур меня долдонит зяблик

5

чур-чур меня долдонит зяблик
будто будильник-раздолбай
и этот долбаный кораблик
привёз меня в забытый край
Тут все юны и белобоки
а кожа только расцвела
студентки будто балаболки
щебечут: сессию сдала!

айда с девчонками в кафешку
и мы мальчишки тут как тут
нельзя сгубить такую фишку
а предки дома подождут
да и соседи за стеной
и твой фасон теперь иной

6

и твой фасон теперь иной
проходы жесты и повадки
в обнимку ходишь ты с одной
не пишешь лекции в тетрадки
А «оттепель» уже во всём
созвучна общему настрою
журнал «Зигзаг» мы издаём
в осаду взяв физфака трою

три экземпляра весь тираж
машинописный текст неярк
студентов то в озноб то в раж
бросает... Времени подарок
исчез как Гофмана кораблик
не наступай на те же грабли

7

не наступай на те же грабли
уж Горбаневской с нами нет
и Делоне... Давно озябли
их тени Мудр судьбы совет
но жизнь не прихвостень Советов
чувак улавливаешь мысль
читай в обоих смыслах это
и свой особый смысл исчисли

закладывать не пробуй душу
хоть и принявши за кадык
и выброшен как кит на сушу
к когорте гордых забулдыг
не повернись хоть раз спиной
никшни якшаться с сатаной

8

никшни якшаться с сатаной
и выплывая из пучины
гордись не пенной сединой
а тем что мы ещё мужчины
всем катаклизмам вопреки
перипетиям и упрёкам
хотя рожать пора по срокам

от чуда чада отрекись

но без дежурного аборта
а просто так из озорства
нет никого дотошной чёрта
но ты не мысли с ним родства
пока не клонет в темя Лихо
живи но неприметно тихо

9

живи но неприметно тихо
а плод созреет дай лишь срок
дал патриарх (в 20-х) Тихон
Всея Руси такой урок:
жить ради жизни завещая
а не врагам назло истлеть
и может статься иван-чая
цветы к нему входили в клеть

как будто это мы иваны
родства не помнящие сплошь
в любом из нас свои изъяны
но на фу-фу нас не возьмишь
Клобук на уши натяни
о прошлом глубоко вздохни

10

о прошлом глубоко вздохни
не просто расставаться с прошлым
и в старину и в наши дни
тут надо быть бродягой ушлым
скитающимся по векам
как дочь по обжитому дому
подластившаяся к старикам
затем чтоб сделать по-другому

переиначив всё родив
неимоверного дитяту
наидивнейшее из див
в Дитя уткнёт со млеком титю
и тот причмокивает тихо
Минует зло тебя и лихо

11

Минует зло тебя и лихо
хоть не померкнет жизни жуть
есть из всего последний выход
лишь призадумайся чуть-чуть
и вспомни чем всё обернётся
когда придёт и твой черёд
Пока твоё сердечко бьётся
ну а с чужих не стоял лёд

пока не требует поэта
к священной жертве Аполлон
а Бог Любви как та комета
сердца землян берет в полон
с прощанием повремени
на грудь скатёрку не тyani

12

на грудь скатёрку не тyani
не для того согкали саван
ни слова о себе: ни-ни
ведь как ни кинь лукава слава
дым поплывёт как ты не тщишь
переупрямить крематорий
куда-то по ветру и ввысь
и в облаках исчезнет вскоре

И будешь ты как этот дым
обогревать — какое благо!
Нельзя быть вечно молодым
А если лъзя? — Терпи бумага!
не подводи в сердцах итог мне
И все сомнения исторгни

13

И все сомнения исторгни
так чтобы сделать ещё вдох
и да поможет в этом Бог мне
пока я попусту не сдох
не околел пёс шелудивый
поникнув буйной головой

жизнь ещё длится эхо диво
я вместе с ней и я живой

так и дышал бы грудью полной
жизнь как красотка хороша
Мгновений укачали волны
Тебя бессмертная душа
Oh Uni-verse*! воплю в восторге
как super spy** наш Рихард Зорге

14

как super spy наш Рихард Зорге
я верую в свою страну
где на коне Святой Георгий
а не «доллары» — на кону
не фунты стерлингов, не йены
...Такой валюты в банках нет
Из пасти огненной гиены
кто сможет вывести на свет?

Поэзия одна лишь братцы
хотя в моей гортани страх
ещё живёт но разобраться
смогу теперь я в судьбах птах
себя не укорять в двуличьи
Жить продолжать в чужом обличьи

15

Жить продолжать в чужом обличье
косящим глазом петуха
перенимать повадки птичьи
отЧУРкиваясь от греха
чур-чур меня долдонит зяблик
и твой фасон теперь иной
не наступай на те же грабли
никшни якшаться с сатаной

* Universe (англ.) — Вселенная; при написании через де-фис Uni-verse переводится как единостишие, моностих. Впервые на такое понимание мироустройства указал Иосиф Александрович Бродский, назвав в своей Нобелевской речи поэзию видовой целью развития человечества.

** Super spy (англ.) — супер агент

живи но неприметно тихо
о прошлом глубоко вздохни
Минует зло тебя и лихо
на грудь скатёрку не тяни
и все сомнения исторгни
как *surge sru* наш Рихард Зорге*

ЗАИМКА

*Идешь на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.*

.....
*Я тоже была, прохожий,
Прохожий, остановись!*

.....
*Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет...*

Марина Цветаева

— Кладбищенских грибов не надо брать,
— Об этом ли мой стих о землянике?..
Нетронута среди крестов их рать,
будто пришла под Новгород Великий.

А в церковке звонят колокола,
И Дух Грибной среди могил маячит...
Под ними в три ряда лежат тела —
и павших только вьюга и оплачет.

Прохожий, — я молю, — остановись,
свой взор обороти от шляпок к небу,
и в синеву пронзительно взглядишь —
туда, где ты еще ни разу не был!

Болярыней новопреставленной
я тут себе местечко приглядела...
Лежит под безымянною сосной
мое покинутое в одночасье тело.

* Рихард Зорге — советский разведчик, сообщивший Сталину о дате нападения Германии на СССР.

Возможно, что его давно уж нет,
но над Окою в бронзе я отлита**.
И вот тебе последний мой ответ, —
не будь, как я — печально знаменитой.

И только, если на меня похож, —
ведь я тогда Тебя в виду имела, —
будь в эти вышние чертоги вхож,
когда черед придет — шагни в них смело...

У ягодника ли, у грибника,
Есть на погосте тайная заимка...
Кладбищенская ягода сладка —
Узнаешь лишь к исходу поединка.

* * *

Что мне делать с собой?
Добреду до озябшей реки,
где как иней на черном
рождаются хрупкие льдинки.
Бросишь камень —

от камня
ползут ледяные круги.
Одиноко стою

на песчаной косе

в поединке

ВОПРОСЫ

месяца светел рог
прямо над головой
есть ли над нами Бог?
есть ли там кто живой?

если ответишь нет
я покорюсь судьбе
если другой ответ
кто нашепчет тебе

** Памятник Марине Цветаевой стоит в центре города на высоком берегу Оки, рядом растёт рябина. Скульптор Владимир Соскиев. На открытии Белла Ахмадулина читала стихи Марины Цветаевой.

буду верить что да
Бог есть на небеси
звёздочки где со льда
и неземной клавишин

марки Universe вверх
голову задеру
нет не умру я весь
ну а не весь — умру?

если умрёшь крестись
бей до земли поклон
стоит взглянуть ввысь
жизнь разве не сон

в реинкарнацию
верить индусов блажь
дурочка I love you
где же Спаситель наш

спас бы нашу любовь
да уговора нет
на небесах вновь
ищем прямой ответ

если прямого нет
дай Ему телефон
месяца тусклый свет
льётся со всех сторон

сумрак упал в сугроб
целятся фонари
если положат в гроб
не навсегда умри

чуть погоди и стань
хоть Чеширским котом
завтра в такую рань
надо встать а потом

ехать в такую глушь
месяца жду ответ
твой неумный муж
сколько уже лет

что же делать тому
в доску кто забудён
верить в холод и тьму
там не желает он

сыщется ли ответ
на роковой вопрос
Рок он есть или нет
Необорим ли Рок

сколько ещё мне
видеть Медведицы ковш
жизнь уйдёт ну а с ней
смерти уйдёт ложь

месяца светел рог
прямо над головой
есть ли над нами Бог?
есть ли там кто живой?

UNI-VERSE

Нам смертным людям в этом мире
Не одолеть уже греха
Но всё ж в добро и счастье верим
И в высший промысел стиха

Вселенная лишь род поэмы
Которую должны прочесть
По высшему велению все мы
Найдя что в ней такого есть

Детьми свои пределы мерим
И в продолженье рода верим —
Раз нам внучат вручил Господь
И лицезрея свою плоть
Преображенную немного
Не возражаем — всё от Бога

ДУХ РЕКИ

Дочери и двум внукам

Мы с бабушкой Ниной
глядим на «ангелков»
наш путь Земной — недлинный
и скучный без стихов

Что этим двум создателям
вступившим на порог
в чертогах Мироздания
предуготовил Бог

И мы такими ж были
лет 60 назад
и нас как их любили
и всякий был нам рад

порою жаль что вечно
нам жить не суждено
в грудь дует ветер встречный
и Смерть глядит в окно

грозит косою шалава
разбрыгивая желчь
горынычем трехглавым
избу грозитя сжечь

Пока стоят деревья
дружиной до Оки
нас берегут поверья
и добрый Дух Реки

Словно кузнец Вакула
звезд искры сыплет Бог
Но Смерть не смеет курва
застигнуть нас врасплох

как в бабушкиных сказках
льёт звёздный дождь с небес
Мы ж с горки на салазках
пойдём кататься в лес

прогуливать по снегу
двух внуков озорных
Ждём наших оберегов
и планов нет иных

Укутает на славу
детей к прогулке мать
и будем мы по праву
снег валенками мять

в аренду взяв двух хаски
на длинных поводках
Запас безмерен ласки
что берегу в стихах

ПЛАФОН ЛУНЫ

плафон луны на потолке небес
какой его туда подвесил бес
кто отстегнул серебряную пряжку
и выпустил на волю всю упряжку?

сегодня выкатилась полная луна
кто в полнолуние лишить желает сна?
конечно бесы ведьмы ведуны
они в твои прокрасться могут сны

и пролежишь всю ночь под светом лунным
Пускай меня считают полоумным
но я как лампу вывинчу фонарь
луны из-под высокого плафона
но говорят: нет для луны закона
она на небесах и бог и царь!

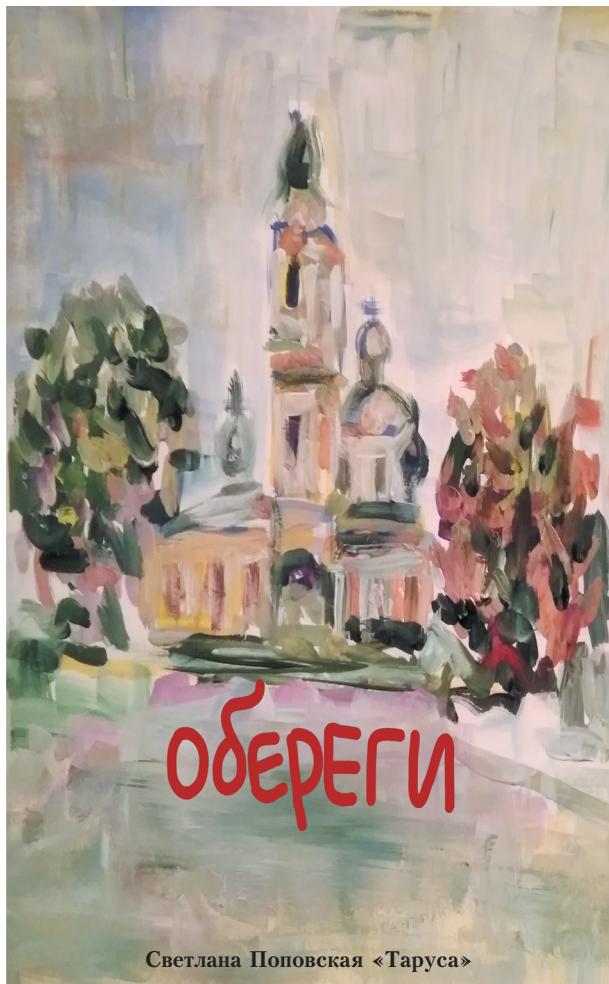
* * *

В судопроизводстве Бога
Сколько нас здесь — как песка
Всякий выглядит убого
Щепочкою среди скал

Не суди о ближнем строго
Даже если сам в тисках
Или дальняя дорога
Ждёт или грызёт тоска

Не добавь поступком лишним
Для других забот и тягот
Будь в контакте со Всевышним

Пусть легко под ноги лягут
Неисхоженные тропки
Если ты партнер неробкий

Светлана Поповская «Таруса»

Леонид Губанов

А. Зверев.
Портрет Н. Шмельковой.
1976 г.

Юрий Мамлеев,
Нина Давыдова,
Мария Мамлеева,
Дмитрий Цесельчук

ГУБАНОВУ

Отмщение раскрепощенья
Губанов загнанный в дурдом
Свободы хрупкое печенье
И полынья под хрупким льдом

Полина манит в полыньяю
Ну что ответить: — Ну и ню!

ЛАДОНЬ ГУБАНОВА

На листке бумаги более полувека назад поэт Леонид Губанов, создатель знаменитого общества СМОГ, один из крупнейших поэтов второй половины XX века, сделал отпечаток своей ладони и подарил Наталье Шмельковой, близкому для него человеку, разговаривавшей с ним подолгу по телефону, слушавшей его новые стихи одной из первых, даже покупавшей его стихи, чем поддерживала поэта в тяжёлые годы, когда Губанова отказывались печатать и надежды на иную жизнь практически не было. Прошли десятилетия, и вот, в день моего рождения, 25 мая 2017 года, хранильница этого оттиска Наталья Шмелькова в Тургеневской библиотеке-читальне дарит мне уже пожелтевший с годами оригинал этого отпечатка. Сейчас желтоватый листок с ладонью Губанова висит в стеклянной рамке над моим письменным столом.

В далёкие советские годы многие болели Губановым. А я — в особо тяжелой форме. Поток сознания и все такое прочее. Пожалуй, тяжелее, чем в иные времена Хлебниковым, не говоря уж о Пастернаке и Ахматовой... Но многие стихи Губанова не отпускают до сих пор: «Одувают Одолу / Одевают одиноко / Спать на каменном полу — Нашу жизнь глядеть в бинокль...»

Помню, как увидел Лёню на подоконнике, точнее за подоконником квартиры поэта Леша Пахомова, точнее даже не Губанова увидел, а его ботинки и икры, за которые держали поэта страждущие стихов почитатели. Все тело

было уже там — за пределами проема. — Слава Богу, квартира на первом этаже, — помню, подумал, — хотя сломать шею, если ноги выскользнут, — пара пустяков. Когда его затащили обратно и пристроили на полу под подоконником, так что он сидел, не съезжая, опираясь спиной о стену, рот его вдруг медленно, но вполне членораздельно выплюнул: — Я чек на Ваш череп...

Есть свидетельства, что Губанов приезжал в Тарусу к Ариадне Сергеевне Эфрон, дочери М. И. Цветаевой. А. С. Эфрон похоронена в Тарусе на Городском кладбище № 1.

* * *

Я сижу за компьютером
Под его пятерней на стене
С внезапно преломляющейся линией жизни
И ослепительно ярким
как у сгорающей звезды
Продолжением линии жизни... После смерти

НАТАЛЬЯ ШМЕЛЬКОВА

(14.03.1942 — 10.04.2019)

I.

Юношеский знак страданий
От Шмельковой «пятерня» —
Оттиск лениной ладони
Провоцирует меня
Силу исподволь черпаю
Невообразимых строк,
Но, как он, пройти по краю
Не сумел или не смог...

...В жизни яростной и краткой
Не якшаясь абы с кем,
В вечность с ручкой и тетрадкой
Воспарила налегке,
Нам оставив память только
Без регалий и заслуг,
Ты своей улыбкой горькой
Озаряла всё вокруг.

Зверев*, Венечка, Губанов —
Низвергатели рутины.
Искрометных хулиганов,
Словно лягушат из тины,
Выловила... Каждый гений,
В свой черед, отмыт от ряски.
Их теперь с тобою тени...
Зверев смешивает краски,

Ерофеев, тот, кто Веня,
В петушинской электричке
Мчится, волкодав мгновений,
А Губанов по привычке
Пишет новую поэму
С прежнем именем Полина,
Времени решив проблему
Гениально и наивно.

Чем вы заняты не знаю...
Каждый мастер в своём деле
Жизнь продлится разъездная
Или, не покоясь в теле,
Дух ваш ищет воплощений,
Как написано в Ригведе...
Но не может быть двух мнений —
Все они твои соседи...

Ты была им оберегом
Полу-другом, полу-братом,
Драгоценным человеком:
Каждый твой стремился атом
этим трём сердцам навстречу...
ты была им не обузой,
а Целителем и Музой...

II. ЦЕЛИТЕЛЬ И МУЗА

Шмелькова Наталья Александровна — художник, искусствовед, член Союза художников России, член Союза литераторов России (1998–2019), автор книг «Во чреве мачехи, или жизнь — диктатура красного»

* Анатолий Зверев (1931–1986) редко покидал Москву. Единственное место, куда готов был приезжать снова и снова — Таруса.

(воспоминания о Леониде Губанове, Венедикте Ерофееве, Анатолии Звереве), «Последние дни Венедикта Ерофеева», «Анатолий Зверев в воспоминаниях современников», а также ряда статей и публикаций в российских и зарубежных СМИ. Государственный стипендиат России в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства» (2000–2002). Лауреат литературной премии «Словесность».

В 2019 году, весной, ушла из жизни Наталья Шмелькова. Она родилась в эвакуации в Ташкенте в 1942 году, закончила свой жизненный путь в Москве. Автор книг, которые хорошо известны всем безразличным к истории русской культуры. В Союзе литераторов она была нашим верным товарищем. Человек удивительной судьбы, Наталья помогала многим людям, в том числе гениальным, талантливым, о которых и писала в своих книгах и многочисленных публикациях. Человек тёплый, невероятно отзывчивый, обладала даром сразу чувствовать одарённого человека. В Союзе литераторов сохранились многочисленные фотографии, видеозаписи её выступлений — пока Наталья Александровна могла по состоянию здоровья приезжать на наши встречи, она приезжала, читала стихи Леонида Губанова, рассказывала об Анатолии Звереве, Венедикте Ерофееве и о многих, многих других. Была глубоко верующим человеком. Как и я, она окончила МГУ, но только географический факультет, вспоминала моего отца, преподававшего у них на курсе. Олег Осетинский о Н. Шмельковой: «Она спасла нам великого художника Яковлева, она стольким утепляла жизнь, она сохранила стихи Зверева... Убирать за бомжистыми русскими гениями, поить, смешить, любить — нет, есть еще женщины в русских селеньях!» Леонид Лернер отмечает беззаветную преданность Натальи «своим гениям»: «Знатоки и любители искусства зовут ее Музой; художники — верной подругой; литераторы, читавшие и печатавшие ее дневники, в которых описаны встре-

чи с легендарными художниками и поэтами, восхищаются скромностью автора — и, вернее, полным забвением своего «я». А ведь именно Наталья Шмелькова, встретив неприкаянного художника Анатолия Зверева, дала ему тепло; именно Наташа осветила три самых трудных года жизни смертельно больного писателя Венедикта Ерофеева; именно она по просьбе врачей пробыла целый месяц в больничной палате с почти ослепшим художником Владимиром Яковлевым».

ЭСТАФЕТНАЯ ПАЛОЧКА

Чувствую постоянное присутствие Губанова и Натальи Шмельковой, когда тружусь над стихами рядом с «непростым подарком» — эстафетной палочкой, ещё не вложенной в протянутую навстречу ладонь.

И. ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА КЛИМОВА,

*директор Тарусского музея семьи
Цветаевых*

Я благодарен Тарусе за всегда неожиданные и, в то же время, неслучайные встречи, встречи с творческими людьми — хранителями и оберегами вечных ценностей. Они соединяют время ушедшее с будущим, являясь прочными мостами культуры.

Так мы с женой познакомились с создательницей и директором Тарусского музея семьи Цветаевых Еленой Михайловной Климовой. Приносим в музей новые альманахи «Словесность», свои книги. Узнаём, что нового в экспозиции, в городе. Елена Михайловна, да и все сотрудники музея, рассказчики замечательные, люди общительные и открытые. На них держится современная Таруса.

В первую субботу октября в Тарусу съезжаются отовсюду не только почитатели поэзии Марины Цветаевой, но и исследователи её творчества и блистательно-трагической эпохи Серебряного века.

Октябрь октябрю рознь: то яркое солнце, то дождь беспросветный, то холодно, а то будто лето вернулось. Конечно, лучше в спокойную тёплую погоду походить вместе с приехавшими отовсюду на Цветаевский праздник, постоять у памятника Ивана Владимировича Цветаева, что рядом с пансионатом «Серебряный век», оттуда пройти на крутой берег Оки к знаменитому камню, на котором начертано: «Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева». У памятника принято читать стихи М. Цветаевой и посвящения ей. Здесь я впервые прочитал стихотворение «Заимка», написанное накануне. Помню забавный случай: молодая поэтесса решила прочитать все свои стихи перед собравшимися не на её праздник. Стихи были от руки написаны на листочках, пачка произведений изрядной толщины. Вообще, все знают, что читать лучше 1-2 стихотворения, не больше. Девушка решила потрясти всех своей неоцененной genialностью, захлёбываясь, почитала одно-второе-третье, уже и четвёртое начала! И вдруг дождь усилился, и мы увидели, как он смыл с листочков всё ею написанное, читать больше было нечего. Вот такое наказание свыше мы увидели у камня Марины Цветаевой. Не случайно сравнительно недалеко от камня простирается таинственная Долина грёз, столь любимая сёстрами Цветаевыми.

Если на праздник назначены научные чтения, то ближе к вечеру собираются в музей. Помню, в 2011 г. директор музея организовала научную конференцию, проходившую несколько дней. На этой конференции выступили и мы с женой, представив альманах «Словесность» и рассказав о Союзе литераторов России, прочитали обращение кота Василия к общественности о признании его заслуг наравне с заслугами хозяина, И.В. Цветаева. Если 2011 был дождливым, то 2017 — солнечным, тёплым и подчёркнуто рябиновым. Господи, какая рябина полыхала тогда в Тарусе! И это в год юбилея Марины Цветаевой и юбилея Тарусского музея семьи Цветаевых — 125 и 25!

*...Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И всё – равно, и все – едино.
Но если по дороге – куст
Встаёт, особенно – рябина...*

Так писала Марина Цветаева. Но в Тарусе не кусты, а высокие деревья с рябиновыми гроздьями украсили город. От камня гости пошли в центр города к памятнику Марины Цветаевой, рядом просто горела рябина!

Кто приезжает в Тарусу впервые, обязательно надо побродить по городу, старинная городская застройка ещё сохранилась. Полубоваться, как на беспокойном рельефе упрямо стоят, разлапясь, покосившиеся, но негибаемые домики с узорными наличниками и ставнями, подбоченясь мощными воротами и флигелями – сараями, как будто удерживая сруб от полного рассыпания. И окна с ватой и геранью вроде как дразнят прохожего, настроенного на хай-тек.

А в музее радостно: открыли экспозицию в отреставрированном флигеле. Комнатки маленькие, вот здесь останавливались Марина и Сергей Эфрон, а здесь, в небольшом кабинете, работал Иван Владимирович Цветаев. Вещи подлинные или того времени. И все 25 лет существования музея хозяйка одна – Елена Михайловна Климова, она же создатель музея и его оберег. О каждой вещи, даже о каждой половине может рассказывать бесконечно, заслушаетесь, потом встрепетается – ну, вот, а дел-то невпроворот...

А в саду музейном такой яблочный дух в эту осень. С праздником, Таруса, дышать здесь не надыхаться вольным воздухом!

II. АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ВОЛКОВ. ЖЕСТЬ: «ШАРИКОВ» И ДРУГИЕ

*(О мире жестяного кружева
скульптора-сварщика)*

В последнее время мы с женой почувствовали, что нами «овладело беспокойство,

охота к перемене мест». Не только в Афины, Рим, Барселону, Флоренцию, Крым понасть, но и по российским губерниям захотелось поездить, посмотреть, сравнить с дальними странами. И летом 2019 года нам довелось пожить в деревне с замечательным именем Дракино, что в 30 километрах от Тарусы. Расположена деревня на левом берегу Оки при впадении в неё Протвы, на границе Московской, Калужской и даже Тульской областей, через деревню проходит шоссе, соединяющее Тарусу с Серпуховым.

С Андреем Волковым нас познакомил его приятель Сергей Безукладников: «Вы не видели скульптуры Волкова? Тогда это мой вам подарок».

Кто ещё не знаком с творчеством Андрея Николаевича Волкова, с замечательным мастером, ни на кого не похожим, сбежавшим от цивилизации в деревню Дракино, где петух на три губернии кричит – Тульскую, Московскую и Калужскую, скульптором-сварщиком, выпускником «Строгановки», членом творческого Союза художников, участником многочисленных выставок и в России, и за рубежом, спешите сначала открыть в интернете строку Поиск. И вы узнаете, что работы Андрея Волкова хранятся во многих музеях и частных коллекциях мира. Слава не обошла его стороной, но он так же сдержан и скромнен, как и подобает простому сварщику (так он сам себя величает) и гениальному скульптору.

Нам повезло: в день нашего знакомства в массивный каменный дом Андрея и его жены Марины Волковых скульптуры стекались отовсюду, то есть, из разных музеев и выставочных залов возвращались домой. И знаменитый «Шариков» с наганом вместо члена и «Дон Кихот» на своем Росинанте, парящий в облаках.

Ба! – Да все это по нашей литературной части – Булгаков и Сервантес! Хотя не только они одни. Была в каменных хоробах Андрея и Марины какая-то особая литературная

атмосфера — и мы её учуяли сразу. Хотелось четырехлапой человеко-собаке «Шарикову» придержать сползающую с пёсией взлохмаченной спины гитару, чтобы она не съехала под живот и не стала колошматить по члену-нагану при ходьбе; тянуло встать рядом с прислоненной к фонарному столбу лестницей, на которую взгромоздился абсолютно бухой электромонтер, прицеливающийся винтовой резьбой 100-ватной лампы в зев качающегося на ветру патрона. «Попадёт или упадёт», можно было бы назвать эту композицию, дивясь непревзойденной наглости мастера-сварщика, его умению так завлечь в ситуацию, в свой хрупкий мир жестяного кружева, что оттуда уже и не выбраться.

Вот, например, так и останешься ждать трамвая на остановке вместе с тремя согбенными плоскими фигурками пассажиров, а пока еще терпельцев на берегу Вечности (Это я о подаренном нам радушным хозяином эскизе с двумя двухэтажными домами на втором плане и столбом дыма, поднимающимся из трубы одного из них в небеса. А трамвай — вот он — уже дребезжит за углом. Конечно, «Заблудившийся», а какой же ещё? Как и у Николая Гумилёва:

*...Шёл я по улице незнакомой
И вдруг услышал вороний грай,
И звоны лютни, и дальние громы,
Передо мною летел трамвай.*

*Как я вскочил на его подножку,
Было загадкою для меня,
В воздухе огненную дорожку
Он оставлял и при свете дня.*

*Мчался он бурей тёмной, крылатой,
Он заблудился в бездне времён...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон...*

НО КУДА ТАМ! РАЗВЕ ВРЕМЯ МОЖНО ОСТАНОВИТЬ? Разве только в таких вот сварных миниатюрках, как «Шариков», «Дон Кихот» и «Заблудившийся трамвай» мастера литературно-жестяных реминисценций Андрея Волкова.

У него и Машина Времени стоит во дворе. Садись, крути педали и езжай куда хочешь. Но об этом в следующий раз. А пока только об упомянутых трёх шедеврах и про соединившую каждую из них в целостную композицию сварочную дугу маэстро Волкова, как радуга или нимб засветившуюся над стоящей обочь с гостеприимным домом церковью, в которой дракинский сварщик при советской власти лудил кастрюли своим соседям, а потом, когда мастерские закрыли, собственноручно занимался восстановлением храма.

III. ИОСИФ АЛЕКСАНДРОВИЧ БРОДСКИЙ

*В Тарусе Бродский жил недели три зимой
1964 г., в доме Оттенев, перед самым
арестом и ссылкой.*

* * *

Иосифу Бродскому

Родина — поля России
над Россией небо сине
что-нибудь о керосине
и готов эрзац паек
сердце — ёк!
не увижу родных берегов
я готов?!
не увижу друзей не увижу врагов
я готов?!
этих громко ура!!! прокричавших ртов
я готов.
готовальни готических городов
кем-то вздыбленные на попа —
не увижу уже подмосковных садов
и в церквушке российской попа
и заплеванной семечками перрон

и унылый панельный железобетон
и замызганных жалких девиц на панели
(но какое мне дело до них?)

в самом деле

не увижу?

...Родина как ожог

в неизвестность прыжок

на губах расплзающийся пирожок

с кисло-сладкой капустой

лотошник в Мытищах

я мое — ё-моё — растворенное

в тыщах лиц

о банальности происходящего блиц!

ТАК БЫЛО БЫ ДЛИННЕЕ

А познакомился я с Иосифом Бродским уже в июле 1991 года в Лондоне на конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Осипа Мандельштама. Собственно, и сама конференция была организована Бродским. Врезалось в память, как он встал со стула и надавил двумя пальцами на горлышко только что открытой пластиковой бутылки. Бутылка слегка наклонилась и стала медленно вращаться по кругу, чудом сохраняя свое нарушенное вертикальное положение. Мелькнула мысль: докладчик может облиться и выйдет конфуз. Зал замер.

А Бродский цитировал Мандельштама:

*Обещаю построить такие дремучие срубы,
Чтобы в них татарва опускала князей на бадье.*

Разве неясно, что он имел в виду: конференцию из «буддийской» Москвы Мандельштама выдавливают в Лондон? И это при тогдашней, наконец-то, проклонувшейся демократии.

В Москве на конференцию стали собираться в июне, в Союзе литераторов России создали, по просьбе и рекомендации Павла Нерлера, секцию мандельштамоведов, все вновь вступившие были официальными докладчиками на будущей конференции. С Пашей мы были знакомы еще по встречам у Акимыча (*поэта и поэта-переводчика Аркадия Акимовича Штейнберга*). Он, в качестве вице-президен-

та Мандельштамовского общества, передал мне официальное приглашение на конференцию и личную просьбу Иосифа Бродского возглавить делегацию Союза.

Сам нобелиат, в чем я убедился воочию, немало сил, энергии и денег отдал для того, чтобы Мандельштамовская конференция осуществилась.

Вспоминая лондонскую конференцию и тогдашнее общение с Иосифом Бродским, я задумался о превратностях приватной (частной) жизни, воспетой Бродским в его знаменитой Нобелевской лекции. Ведь именно в эту частную жизнь в 60-е годы, в жизнь еще непризнанного тогда поэта, но уже печатающегося поэта-переводчика так бесцеремонно и беззаконно вторглась советская власть: «Иосиф, Ваш адвокат, судя по всему, не знал, что в конце 20-х годов было принято постановление Народного комиссариата по труду «О праве работы на дому по договорам с издательствами и редакциями», согласно которому Вы не были тунеядцем, ведь у вас, как сказал мне Евгений Рейн, на момент суда был подписан авторский договор с «Худлитом» на перевод польских поэтов?!». Бродский слегка задумался и неожиданно парировал: «Да, мог бы не сидеть, но так было бы длиннее...»

Я не переспрашиваю — ответ понятен профессионалу и любому, жившему в советской действительности: длиннее при ином стечении обстоятельств была бы для Бродского дорога в дюнах литературы, дорога к Нобелевскому триумфу.

В перерывах Бродский посылал кого-нибудь в магазин за запечатанными в целлофан рыбой или колбасой, фруктами, овощами, устраивая импровизированный обед.

Частная жизнь в понимании Бродского была единственно возможным противовесом общественной в социалистическом обществе, протекавшей с постоянной оглядкой друг на друга и, в первую очередь, на власть предрержащих. Противовесом «плагиату существования» и напоминанием о существовании

промысла Божьего — догляда за Вселенной и людьми, даже такими, кто само слово Бог семьдесят лет писал с маленькой буквы.

Бутыль под пальцами Бродского на секунду застыла. И от переносицы потекла слеза. Он резко смахнул ее, налил воды и отпил глоток из стакана. Сам себе Актер и Режиссер с большой буквы, шаг за шагом выстроивший этот мини-спектакль: прольет или не прольет, как гамлетовское — быть или не быть.

УРОКИ МАНДЕЛЬШТАМА

Мне Мандельштама памятны уроки,
но, что ещё за список кораблей?
Дела у Трои, очевидно, плохи.
Гомер, какой ты летописец ей, —

гекзаметр твой устарел за годы,
что пролетели после той войны,
и не хотят все прочие народы,
ну, может, кроме греков, старины

преданиям в восторге предаваться...
Вслед за Гомером сгинет Мандельштам,
а нам, среди немолкнувших оаций,
привьют супердебильных шоу штамм:

вниз головой лететь с троянской башни,
чтобы нырнуть в волну без лишних брызг,
отбив о воду весь свой мозг вчерашний...
Прогнёшься если — расшибёшься вдрызг,

Венец Творенья! — То ли ещё будет,
когда, всё вывернув наоборот,
преданья старины забудут люди, —
и станет населением народ...

А Мы ходили в Греки из Варягов,
для Нас слагалось «Слово о полку»...
«Я не в свою, увы, могилу лягу...»* —
случится ль это на моём веку?..

* Строчка из стихотворения Анны Ахматовой.

УЛОЖЕНИЕ № 1

Юрию Мамлееву

1

В утробе матери укроюсь
по месту жительства устроюсь
взяв ксиву для и.о. плода
Пускай сжигает города
ниспосланное людям Слово —
а в низком житии — цифирь —
Не возвращусь на Землю снова
пить из пакетика кефир

и кукиш кренделя жевать
с конспектом шляясь по физфаку
Как в люльку лягу на кровать
читая курс по Зодиаку

В кровати с грифельной доской
любил лежать балдея Пушкин

Дивану присягал Толстой
листая Гёте Для старушки
замыслив казнь от топора
кушетку тискал Достоевский
Ты в карты загляни Таро
выдь на Кузнецкий Мост на Невский
проспект — над шляпами толпы
парят как ангелы желанья:

раздвинув локти лезть с тупым
упрямством в Лоно Мирозданья
и скрупулезно изучать
созвездья Пса и Скорпиона
Диван — твоих пружин печать
для ягодиц И нет закона
такого чтобы оттиск твой
декретом власти дозволяли
Где сыщется такой крутой
чтобы за имя Илаяли
взять с сочинителя пятак
он свой шедевр отдаст за так

В утробе матери когда
народ в сердцах не матерился
сжигало Слово города
Бывало Демиург ярился

под корень столько царств извел
свой Лик уподобляя Звуку
покуда Мат не изобрел
Fuck you* в уста вложив науку
в утробе матери — вот факт
с которым трудно примириться
Затеяв с выгодой контракт
Изволил в старом усомниться

2

Все встало на свои места
Разбился кто успел на пары
Плодиться стали И с листа
Карты Таро читать про чары

и смерть Первопричину звезд
на небесах не замечая
Вот разве что — Кузнецкий мост
с его брусчаткой Да пиццали
стрельцов созвездием Стрельца
ниспосланные как Устои

Уклад — от деда и отца
Все остальное — зло пустое

В утробе матери своей
был русским немец и еврей

Вот где она — твоя утроба
Любовь к отеческим гробам
Служи поглядывая в оба
А что не так — дай по губам

Верни устоев смысл Слову
И фарисеев бей как мух
Уклад поставь в первооснову
И если станешь нищим — Дух

* Отвали (англ. яз).

Блажен раб божий нищий духом
А кто Он знаем лишь по слухам

* * *

Николаю Заболоцкому

Не нужно заниматься ловлей блох
хотя и не даю зарок в этом
быть можно неплохим поэтом
но будет слог хромать
слог будет плох

я в каждой строчке
чувствую подвох
ну скажем в той «стреляя пистолетом»
потрафившей гурманам и эстетам
но не напишешь лучше
чтоб я сдох

за выстрелом вытягиваясь в нитку
парит парит по воздуху герой
подобно самородку или слитку
сияет солнце черною дырой

Скульптор
Андрей Волков.
«Дон Кихот»

ПЕГАСЫ И ХОЛСТОМЕРЫ

245 лет ОРЛОВСКОМУ РЫСАКУ

Людмила Михайлова, Ольга Тихонова,
Марина Хлыбова, Нина Силаева

Литератор Владимир Давыдов и Людмила Михайлова

Нежность

2019 г. Губернатор А.Д. Артамонов и создатели конного завода «Серп» Марьяна Давыдова и Андрей Савин

Павел Лунгин и Андрей Савин

Конь близок сердцу поэта. Раздел книги посвящается двум лошадям, имеющим мировую известность. С первым мы знакомимся в древнегреческих мифах, это Пегас, что в переводе с греческого означает «бурное течение». Одним ударом копыта о землю он мог выбивать источники. Именно из такого источника на горе Геликон у роищи Муз поэты черпали вдохновение. На небосводе можно увидеть созвездие Пегаса. Если Пегас пришёл к нам из мифов, то Холстомер — из повести Льва Николаевича Толстого с одноимённым названием. Не все знают, что Холстомер принадлежал к знаменитым орловским рысакам, что действительно существовал конь с такой кличкой, что этого коня отметил сам граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский, не только выдающийся военный, но и учёный, создатель породы Орловский рысак. В 2021 году Орловскому рысаку 245 лет!

РАССЕМЕРЕНИЕ

Просунул ноги в стремя — а ну, держись!
Как будто не было меня, промчалась жизнь,
а я, как конь под ездоком, под нею взмок.
Как будто бы я был никем — взведен курок.

И Рок в наездницу мою бьёт сквозь прищур.
Гарцуем бездны на краю — в неё лечу.

Промчалась жизнь, как не была,
но, вот Пегас,
прижатых два раскрыл крыла, спасая нас.

Над черной бездною без дна, мой сон, пари!
Ведь жизнь у каждого одна — не две, не три
И уж тем более, не семь, как у котов.
Но на пари прожить их все всегда готов.

ПОДМИГНУТЬ ЗВЕЗДЕ

Отщёлкал соловей, отговорила роца
на языке своём... Как мне чужую речь
на собственный язык перевести попроще,
не лепетать слова — прямым глаголом жечь?

Я в шорохе листвы расслышал клёкот
орла, что в поднебесье взмыть готов,
и цоканье копыт... нет, то не цокот —
комки земли летят из-под подков.

В пролетке не взнудать лесной дороги,
галопом всадник лишь промчаться смог,
спеша к своей уездной недотроге,
вот, спешась, на колено встав, умолк.

А барышня расчесет гривы гребнем,
застенчива при этом и мила, —
любви и мы покорны. Гласу внемлем
Фортуны, что друг с другом их свела.

Баян, продолжи стих! Да нет баяна...
...Но, чу! — Развёл меха аккордеон, —
и в электричке загорланил пьяный
под музыку «отцепленный» вагон.

— Охальник, отвяжись, — шепнула дама,
шатается вагон, без пара мча.
Куда же? — Да в предместье Амстердама...
Год Нидерландов нынче!!! — Вот-те, щ-щ-аа...

...Да, расслоился люд... Полузаброшен,
без «бунинских аллей» мерцает сад,

акаций белых заметен порошей, —
во мраке нас двоих нащупал наугад.

Неужто мы — преемники?.. И дрожкам
куда ж нас покатить?.. Себя не узнаём,
когда идём-бредём по щебневым дорожкам,
и манит, как магнит, заросший водоём.

Не озерцо — бассейн, но разве в этом дело,
своим литым кольцом он обручает нас,
от лепестков акаций белый-белый,
и, чудится, — заговорит сейчас.

Что с языка его переведу? — Неважно.
На то он и язык, чтоб удержать в узде
всё, что на языке, — песнь затянуть протяжно,
защёлкать, засвистать

и подмигнуть звезде.

* * *

...Где каждая строка, как леди...

О, как блистательно одет
летающий на велосипеде
через гостиную поэт.

Он кажется застывшим в танце,
а маски понизу снуют,
напоминающий испанца,
циркач, повеса, юный плут
в плаще накинутом на плечи,
свиданье с ведьмой при свечах,
на человеческом наречье
нет слов — лишь жест, как крыльев

взмах;

все на него глядят украдкой,
а он исчез уж, призрак краткий.
Но мы отправимся за ним,
вдох восхищенья слишком явен, —
да будет конь небесный славен,
и юный всадник вместе с ним.

...О, леди! Милые созданья!

Шуршанье юбок, веера...

С каким пронзительным вниманьем
глядит одна из них...

— Вчера я видел вас у миссис Ночи!

— Ну, как понравилась я?

— Очень.

Так хвалят при хозяйке торт.

— Но я к услугам вашим, лорд!

И на балу у Вельзевула
Две тени словно ветром сдуло...

ПО МОТИВАМ ГРАВЮРЫ ДЮРЕРА

I.

Горячей каплей камень тронут,
И сразу же стал камень чёрн.
Такого ж цвета ветры стонут,
Как были рыцарь, смерть и чёрт.

А в сердце — пламень алой капли,
Что в алом горне плуг куёт.
Кузнец отдаст весь жар до капли
И лишь тогда её вернёт.

*(Из Эгила Плаудиса,
перевел с латышского Д.Ц.)*

II.

Конь, выступая из мрака,
Солнце закрыл вдалеке.
Рядом бежит собака,
У всадника меч в руке.

Двигается шествие молча,
Тени скользят по земле:
Короткая тень, волчья —
Пса и смерти в седле.

Как на гравюре старинной:
Ночь, крестовина меча,
Всадник в седле и длинный
Плащ сползает с плеча.

РАСПЯТЬЕ

*Я за то и люблю затеи
Грозových военных забав,
Что людская кровь не святее
Изумрудного сока трав.*

Николай Гумилев

В полночь глухую и вязкую
с георгиевским крестом
пред роковой развязкой
любил гарцевать он

А пули жужжа летели
над бруствером через окоп
и тогда — мимо цели
лишь испугался чтоб

Но всадник не зная страха
Чуть пришпорил коня
и перепорхнул как птаха
через тебя и меня

прямо к той самой стенке
из красного кирпича
где от острой щёбёнки
и крови земля горяча

И только там пуля-дура
сумеет враспloch застать
жизнь русского офицера
поэта гордую стать

и не в изумрудные травы
падёт — на кресте распят —
на щёбень осколков кровавый
безбожно расстрелян и свят

* * *

ничего не пишу сам себя потрошу
по ночам между жизнью и смертью вишу
и копытит мне сердце бессонница
словно вражья безумная конница

ОН — УДИЛА! Я — КОНЬ!

Нехороши земные дела.
Клевером пахнут стихи.
Кто-то души взял удила.
— Тише, не задуши.

Киндзмараули пятном на грудь
Плеснув, испарился вмиг.
Какой виртуальный отыщет путь
Из тупика двойник?

Вот проступают его черты,
Врезанные в ладонь.
В мире нет неразлучней четы:
Он — удила! Я — конь!

Не удастся вынуть мундштук,
Рядом с напарником сесть.
Кто-то третий — не враг и не друг
Необходим здесь.

Ведь не горчат земные дела —
Сладок стихов мёд
Только тому, кого не удила,
А Дух за собой ведёт

НЕСЛАБЫЙ ПЕГАС

«Я как-то на одном обеде Вольного философского общества сказала своему соседу, длиннородому и длинноволосому иерарху Церкви: „Как скучно! Подают все одно и то же. Опять телятина! Надоело. Вот подали бы хоть раз жареного младенца!“ Он весь побагровел, поперхнулся и чуть не задохся от возмущения. И больше уже никогда рядом со мной не садился. Боялся меня. Меня ведь Белой Дьяволицей звали».

Зинаида Гиттиус, мисс Типфикация.

Написана за жизнь такая прорва...
Язык не повернется о стихе
текст вымолвить... А Гиштиус, оторва,
садун могла сказать о женихе,

что при живом не раз случалось муже,
с которым прожила до судных дней...
Но вирши — о стихах, куда уж хуже,
презрительней и, стало быть, — больней.

Но назови стихи хоть подрифмовкой,
написана не прорва, а лишь суть
событий и судеб — не будь дешевкой
и время попусту не баламут.

Прищученный Великой Бабьей Славой,
поблажку попрошу я у Судьбы,
чтобы Пегас попался мне не слабый
и не вставал все время на дыбы.

ПРЕДНОВОГОДНИЕ КОЛЯДКИ

У дома сложена поленница
На чурбаки расколота
Сияешь ты как именинница
Работой сложной занята

Ты у своих занятий пленница
Но видно нравится полон
На волю выйдем моя умница
Там солнце жжет со всех сторон

Однако снег вокруг не плавится
Суров и холоден простор
Иди ко мне моя красавица
Пересечем под ручку двор

Пойдем к левадам сена сладкого
Дадим роскошному коню
Он на тебя косит украдкою
Прикончу флирт я на корню

И двух гусей святую парочку
На индюка вдруг натравлю
В обед как не пригубить рюмочку
Не возгласить как: «I love you!»

Моим признанием поделится
Конечно гусь с гусынею
Возможно и индюк осмелится
Вторично завести семью

Нет у коня привычки к верности
Он весь табун осеменит
И я при всей своей покорности
Не идеальный семьянин

Но справиться смогу с буржуйкою
Прищучив каверзный Мороз
Кто с полюса к нам стужу жуткую
В мешке с подарками принес

Еще под песни новогодние
От пламени застонет печь
Ответствуешь мне: «Будь спокойнее! —
Дрова должны мы приберечь».

МАРТОВСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ

Воет Машка — волк с Аляски.
мартовский подтаял снег.
Прочь коньки, долой салазки!
Лошадей прекрасен бег

По оттаявшему грунту
Слышим лёгкий стук копыт:
Не привёз свои минуты
и хозяйкой позабыт...

Наст с утра был то, что надо,
к вечеру до дыр протёрт —
бить копытами в левадах
лошадей наладил чёрт.

Воя не стерпела нечисть —
И слиняла из левад...
Крыть чертяке было нечем
Вот и возвратился в ад

Солнце в день восьмого марта
Светит как иконостас.
Победила в схватке чёрта
Машка, охраняя нас...

Ну, и где теперь нечистый,
знахарь колдовских наук? —
Не такой уж он и быстрый,
Чтобы нас словить за фук!

Привечаем жизнь как чудо
Радуюсь весны шагам
Ледяных торосов груды
У Оки по берегам

Значит скоро из Китая
Бабочек увидишь ты,
Что порхают, приседая,
На пахучие цветы.

Прилетят за ними пчёлы
Из конюшни лошадей
Конюх выведет весёлый
Будет всё как у людей:

Угостить хозяев пловом
Для него большая честь
В плов запустишь пальцы — словом
Можно пальцы свои съесть

Вкусно так — Для пчёл культурно
Хоботок вонзить в цветок —
Так Шопен свои ноктюрны
Завещал нам как итог
Жизни яростно короткой
Каждой гениальной ноткой.

Вой протяжный маламута,
Утра нежный перламутр —
Любо нам всё то, что круто,
Через край и чересчур:

Лучше тряска на качалке*
В шепутной весны фурор,
Чем езда на катафалке
На заоблачный курорт!

* * *

Художнику И.Е. Селиванову

Золотые снопы на бугре.
И семья петуха.
Лошадь тихо стоит во дворе.
И ватага цыплят тиха.

Ищут зерна, толкая мать.
Словно идол, отец суров.
Сущего благодать,
Высказанная без слов.

* Современная беговая качалка, в отличие от прародительницы, дрожек, имеет не четыре, а всего два колеса и требует виртуозного мастерства от наездника

А за тем золотым бугром
Холодна синева небес.
Не пойду я туда добром,
Разве только поманит бес.

Ну, а сердце толкает в бок,
Гонит босиком по жнивью.
Холод бездны синь и глубок.
Заглянув, на краю стою.

ФАССИЯ

А Фассия,
как женщина,
строптива:
Отпустишь повод —
повод рвать траву,
Натянешь —
вскинет голову
и обрывает ветки.
И, оборачиваясь,
гид кричит:
— На Фассии —
не отставать...
А ей нет дела до меня,
ей хочется
жевать.

КУПИТЕ ЛОШАДЬ

*Марьяне Давыдовой и Андрею
Савину, создавшим под Тарусой
конный завод «Серп»***

В глуши какие там газоны,
Окрест не стрижена трава,
И есть на то свои резоны —
Хотя бы неба синева

** «В течение одного короткого тарусского лета желание купить лошадок для приятного катания в полях, неожиданно переросло в увлечение ипподромными бегами и, наконец, в страсть к заводской работе, это предопределило нашу судьбу селекционеров орловской рысистой породы». (Марьяна Давыдова)

И вой протяжный маламута —
Ни с чем не спутать волчий вой:
Для пригородной дачи — круто,
Для хутора — само собой.

Тут не растёт почти отава —
В чести — один чертополох;
Есть понежней в левадах травы
Для жеребят — ногастых крох.

Еще растут там шампиньоны
(Ведро легко собирать),
А вы: про стрижены ль газоны?
И можно ли тут в гольф играть?

Как до Оки залупишь мячик —
Иди его потом ищи,
В чащобах Рихтеровской дачи
Мошка балует и клещи...
Тут конский овод к холстомерам
Бомбардировщиком летит
Здесь любят лошадей без меры:
Нагуливает апшетит

В левадах молодняк А удаль
От Холстомера — жеребца —
Воистину земного чуда —
Орловцы все почти в отца
Чуть дорастают до качалки
И — рысью нарезать круги
(галопом только шатко-валко,
я умоляю, не беги)

Мил-человек, купите лошадь
Она вам выиграет приз!
А лошади купи галоши
Вот будет к осени сюрприз

Когда она начнёт по лужам
В галошах новеньких скакать
Всем Холстомер в хозяйстве нужен
кобыл любить и развлекать

Так нужен хутору сказитель
Осуществлять крутой пиар
Дум домочадцев выразитель...
На этом всё... Оревуар.

ПРОХЛАДНОЕ ЛЕТО 2019-ГО

*Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.*

А.С. Пушкин

Лето красно без жары
не встречаем в топоры
Мы такому лету рады
легче протекают роды
у кобыл

Хоть небо хмуро
но зато губа не дура
у любого грибника
вечно пьяного слегка:

выйдет в лес из электрички
а маслята и лисички
на него бегут гурьбой —
трудно справиться с собой
от такого изобилья!

В тех краях где нынче был я
встречь бегут лишь белые
Блюда из них делают
от жарёнки и до супа —
не любить жарёнку глупо
С белыми грибами суп
едакам заядлым люб!

Груздь в засол идёт к волнушке —
Изумительная пара
В лето красно без жары
меньше шансов от удара
сверзиться в тартарары!

Мы ж, хоть остерёг нас Пушкин, —
взбесимся от мошкары!..

ИЮЛЬСКАЯ БОСХИАНА

Июль июль в такое время
Не гонят кошек от стола
Они едят вместе со всеми
что от щедрот рука дала

А чья рука уже не важно
отважно броситься вперёд
схватить и уходить вальяжно
от той что щедро подаёт

Все мы послушные погоде
бок о бок на скамьях сидим
назло докучливой природе
горячий суп в жару едим

К столу подходят три собаки
Машуня Граф и белый Зевс
он сдёрнул тапочек с бедняги
отпрыгнул с тапком но не ест

А ну-ка догони — отнимешь!
А не догонишь — босиком
Ходи по скошенной польни
Сглотнув смешной обиды ком

А мы бросаем псам сосиски
В жару подтухшие слегка
Живут собаки без прописки
на иждивении пока

но протрубят рога охоту —
легко заправят кабана
Прокормим мы тогда хоть роту
гостей а не пошлем их на...

.....
«Всем лошадей седлать и в чашу», —
«а впереди форпост собак»
Что может быть охоты слаще
любой домашний кавардак

С ней хоть ты лопни не сравнится
Бежит кабан с больших клыков
стекая пена серебрится
Он распороть тебя готов

А ты ему вгоняешь пулю
на два вершка в свинячий мозг
и к рылу вот такую дулю
подносишь

Страстотерпец Босх

не сочинял такой охоты
что невзначай случилась здесь
.....

...А право угощать исконно
хоть прорву может каждый съесть

Гостям ещё добавлю водки
а рюмку красного вина
для той улыбчивой красотки
что до сих пор ещё одна

И я там был и кабанячий
отведал под сурдинку бок
Могла ли жизнь протечь иначе
Чем та что подарил нам Бог?..

P.S. Господь, благодарю за ссуду,
процент верну тебе к зиме,
а обману — иудой буду...
...Ни дня уже не ссудишь мне.

ВЕЗЕНИЕ

Вот и кончилось везение
Начинается работа
кропотливое вязание
до шального поворота

Ничего что дни покатаются
бричкой через пень-колоду
было бы на что потратиться
чем потрафить бы народу

Напишу стихотвореньице
набело пером бесстыжим
вдруг стезя моя изменится:
был шатеном — стану рыжим

На ковер шатена выдернут
для укоров и позора...
Подковерный жребий вытану
а какой? — Узнаю скоро...

Все коверному до лампочки
до будды по барабану

сняв у края бездны тапочки
кину всех и в вечность кану

Но пока с метаморфозами
тяжбы нет — тихи и кротки
Малыми вдыхаем дозами
воздух вешний — в носоглотке

Начинается везение
И не строй кривую мину
Берлиоза в наказание —
Под трамвая гильотину
Чуя — то ли еще будется —
Сердце сжалось бедолага
Но пока моторчик трудится
Не кончается бумага

Не кончается везение
жаль кончается работа
Довезет стихотворение
до шального поворота?

ОТРИЦАНЬЕ ПОРИЦАНЬЯ

(Гедонистическая поэма)

Окаймляет хутор бора
брошенный серпом массив.
Жеребец из-за забора
смотрит молод и красив,

с белой полосой на морде,
в белых гетрах до колен,
как отец, крутой и гордый,
но левады терпит плен,

щиплет травку — в изумрудный
носом тычется ковёр.
Свой запас словарный скудный
языком я перетёр,

чтобы отыскать словечко
золотое — благодать.
Будет по коню уздечка
и наездница страдать.

Вечер той же золотистой
Масти, что и жеребец —
необузданный и быстрый —
сахар как слизнул шельмец!

С нами белая собака,
чистокровный алабай —
шалопай и забияка,
безудержный через край.

Так в объятьях благодати
хочется скакать — скачи!
А хвостом — виляй на сдачу
и на чужаков рычи.

Льётся жизнь с рычаньем, ржаньем,
с промельком копыт и лап,
с бессловесным обожаньем
тех, кто ростом мал и слаб

или обл и огромен,
как шумеров Гильгамеш...
Начеку будь — час неровен —
и лишишься всех надежд.

Как отец, по голой попе,
негодую и любя —
не из мести, не по злобе
будет бить Судьба тебя,

чтоб изысками страданья
преломилась благодать...
Но устои Мирозданья
из самих себя создать

нам дано, как гедонистам.
Ветер сдул порывом быстрым
мне на лоб листок осины,
вмиг прозрением озаря:

божьи твари так красивы
оттого, что жить зазря
не умеют, как и люди, —
знаем мы, что с нами будет!

.....

...Что превыше созерцанья?
Чей корабль сел на мель?
Отрицанье порицанья —
самосовершенства цель!

НА ЗАКАТЕ

На закате под Тарусой
ходим-бродим по траве
в два прихлопа в три прикуса
и картуз на голове

Все в цветах высоких травы
венчики среди травы
их двуглавы и трехглавы
даже в виде булавы

выше подбородка клевер
я такого не видал
в землю эту я поверил
где Христос за нас страдал

* * *

Я слышу как плещется рыба в реке.
Гляжу на закат. Обжигает sake
Морозного стихотворенья
И рифм подо льдом шевеленье.

НОЖНИЦЫ

А ножницы времени режут
часов циферблат на куски.
Нам слышатся скрипы и скрежет.
И так — до могильной доски

Работают впрок шестеренки,
Колесики бодро стучат.
И не отлежаться в сторонке,
Имея такого врача.

А ножницы времени режут
И жизни, как платья, кроят.
Ах, если б не скрипы и скрежет,
Закройщику врезал бы я.

Но скажет он: хватит поблажек,
И твой уже выкроен час...
Скрип станет надрывен и тяжек, —
В примерочной ждут уже нас.

ВРЕМЯ

...Ил времён подняв со дна,
нас несёт его волна
в будущее, —
будем живы
мы увидим
и не раз, —
как, коней взлохматя гривы,
Время мчится
мимо нас.

Приз Барса на Московском ипподроме, Орловское Дерби 2020. Участник — жеребец Кикимора, родился и принадлежит конному заводу «Серп», Таруса. Наездник Евдокия Богданова:

«...К тому же, нет Дуняши краше
Среди наездниц на Руси.
А уж коня при всём разбеге
Она легко застопорит.
«Такую вот любил Телегин», —
Другой Толстой нам говорит.»

СОДЕРЖАНИЕ

ШИРОКИЙ ПРОКОС	3
Кияток	5
Предкрещенское	6
Неслучайные пустяки	7
Врасплох	9
Кувырок Большой Медведицы	10
Сонет прощенного воскресенья	11
Заплыв	11
Про беса-баламута	13
Наяда	14
Поэт	15
Там бы	16
Муравьиная челядь	17
Накануне	18
Год прядущего Мизгиря	20
ВИЗА В ВЕЧНОСТЬ	22
Лето 2018	24
Хвала лени	24
Short Message Service	25
Ожидание	26
К лесному царю	27
Грибной промысел	29
Боевые шершни	30
Стрижи	30
Гуси, щиплющие стихи	31
Антикоронавирусное	32
Прогулка в парке	32
А мы с тобой болели	33
Отвага	33
Благодать господня	35
Соловьиное рагу	36
Как у Маркеса в Макондо	37
Предосеннее антикоронавирусное	37
Лопухи	38
Там и тут	38
Крутые горки	40
Снег пронзителен и наг	41
СОЛНЕВОРОТ	42
Удлинение тени	44
Атака	44
Славянский диптих	46
I. Вечный огонь	46
II. Апофеоз побед Петра I и 9 мая	47
Тарусские памятники	48
Двадцать второе июня	50
Наследство	51
Капитан	52
Бойцы бессмертного полка	52
I. Мой дед	52
II. Мой отец. Командировка на войну	54
Аксаковская тридцатка	58
ТАЙНАЯ ЗАЙМКА	60
Земной маршрут (Городские кладбища № 1 и № 2 в Тарусе)	62

Штейнберг с лодочным мотором	63
Фома	64
Поминальная по Сергею Воронину	64
Чурь	65
Займка	72
Что мне делать с собой?	73
Вопросы	73
Uni-verse	75
Дух реки	75
Плафон Луны	77
В судопроизводстве Бога	77
ОБЕРЕГИ	78
Губанову	80
Ладонь Губанова	80
Я сижу за компьютером	81
Наталья Шмелькова	81
I. Юношеский знак страданий...	81
II. Целитель и Муза	82
Эстафетная палочка	84
I. Елена Михайловна Климова	84
II. Андрей Николаевич Волков. Жесть: «Шариков» и другие	86
III. Иосиф Александрович Бродский	89
Родина — поля России	89
Так было бы длиннее	90
Уроки Мандельштама	92
Уложение № 1	93
Не нужно заниматься ловлей блох...	95
ПЕГАСЫ И ХОЛСТОМЕРЫ	96
Рассемерение	100
Подмигнуть звезде	101
...Где каждая строка, как леги...	102
По мотивам гравюры Дюрера	103
Распяты	103
Ничего не пишу сам себя потрошу	104
Он — удила! Я — конь!	104
Неслабый Пегас	105
Предновогодние колядки	106
Мартовские метаморфозы	107
Золотые снопы на бугре	108
Фассия	109
Купите лошадь	109
Прохладное лето 2019-го	111
Июльская Босхиана	111
Везение	113
Отрицанье порицанья	114
На закате	116
Я слышу как плещется рыба в реке.	116
Ножницы	116
Время	117

Союз литераторов России

Библиотека альманаха «Словесность»

Книжная серия
«Радуга созвучий»

Дмитрий Цесельчук

ТАРУССКИЙ СБИТЕНЬ

*Сборник стихов, поэм,
очерков и воспоминаний,
1968 – 2020 гг.*

Бумага офсетная. Гарнитура KudrashovC

Тираж 100 экземпляров.

Отпечатано в типографии

«ИП СКОРОХОДОВ В.А.»

www.printresolve.com